

Антонина Истомина

Лит
Драма

Подарок
богини

Антонина Истомина

Подарок богини

Серия «ЛитДорама»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12962843
Подарок богини: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84768-6

Аннотация

Студенту Московского института иностранных языков Сереге Юркину жилось совсем неплохо. Учился он отлично. Девушки были от него без ума. Возглавляемая им рок-группа обретала все большую популярность. И все было бы еще лучше, если бы не... внезапная гибель. На том свете Серега сталкивается с богиней из восточного пантеона по имени Гуань Инь. Она предлагает ему «дожить» еще толком не начавшуюся жизнь в параллельном мире, по уровню развития примерно соответствующем нашему. Серега принимает предложение и оказывается... в теле корейской девушки семнадцати лет, которую к тому же намереваются срочно выдать замуж...

Содержание

Шкурка первая	5
Шкурка вторая	36
Шкурка третья	61
Шкурка четвёртая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Антонина Истомина

Подарок богини

© Истомина А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

*Откуда печаль в корейских глазах?
С утра не нашел он чего-то в итанах...
Колготки поправь, затяни туже лифчик,
И вновь к горизонту на полных парах!*

Шкурка первая

Место действия: Небольшой круглый кинозал. Чувствуется слабый запах синтетической обивки и пыли. Ряды кресел с высокими спинками уходят вверх крутым амфитеатром. Все они заполнены молодыми юношами и девушками. Свет в зале выключен. На экране демонстрируется фильм. Яркие, насыщенные цвета. Сменяющие друг друга изображения природы и строений с крышами восточных пагод.

«...Основным источником информации о Гуань Инь является «Саддхмапундарика-сутра», в которой описываются 32 основных облика этой бодхисаттвы. В буддийской традиции бодхисаттва Гуань Инь занимает одно из центральных мест. Её имя обычно переводится как «Слушающая звуки мира». Канон изображает бодхисаттву в женском облике, что является наследием добуддийских представлений о Гуань Инь...»

Сажусь в мягком, удобном кресле и чуть дремлю в темноте, смотря сквозь полуприкрытые веки на экран, на котором крутят «кино». В нашем институте – «неделя Кореи». Сегодня очередные «запланированные мероприятия». Смотрим фильм о пантеоне Страны утренней свежести, который привезла с собою её делегация. В Сеульском университете есть кафедра русского языка. Её-то ученики и сделали перевод

к этому фильму. Нормально сделали. Голос за кадром идёт ровно, без затыков и внезапных речевых конструкций. Профессионально сделано. Если бы не лёгкий акцент переводчика, то можно подумать, что текст читает «носитель языка». Почему я об этом сужу? Потому что сам без пяти минут переводчик. Я, Сергей Юркин, двадцати одного года отроду, студент Московского института иностранных языков. Четвёртый курс, переводческий факультет, кафедра восточных языков. Изучаю английский и японский языки. А ещё факультативно: корейский, французский и немецкий. «Побаловался» немного итальянским и испанским. Как мне это удаётся? Всё просто. Я – полиглот. Языки даются мне легко и непринуждённо. Я не сижу, проводя дни и ночи над учебниками и словарями, тупо зубря, как другие студенты. Правила грамматики, значения слов и их произношение укладываются в моей голове легко и ровно. Без всякого напряжения и умственного драйва. Спасибо за это моей маме. За то, что родила меня такого, и за то, что всегда считала, что её единственный и горячо любимый сын – талантлив. С самого раннего детства она таскала меня по всяким кружкам и студиям, пытаясь найти для меня то занятие, в котором я бы смог выразить себя и сделать окружающий мир прекраснее. Ребёнком я был послушным, маме не перечил и поэтому к третьему классу средней школы я уже был апробирован: в изостудии, в кружке художественной лепки, в секции плавания, в коллективе русского народного танца, в хоре, в театральном

кружке, в студии балета и игре на балалайке. В балет меня, как я сейчас думаю, слава богу, не взяли, а вот балалайка получила дальнейшее развитие в виде музыкальной школы по классу фортепиано. В ней я и «осел», отучившись пять лет. Подозреваю, что если бы не надежда на то, что я стану знаменитым музыкантом, мама потащила бы меня дальше. Там были ещё спортивные танцы, фигурное катание, спортивная гимнастика... Если «внимательно так подумать», то сидеть за роялем гораздо лучше, чем сигать где-то по льду, с риском свернуть себе шею на каждом прыжке. Или «выдрыгиваться» на паркете, получая растяжения рук, ног, шеи и всего остального. А рояль – солидный инструмент, приятный звук. Плюс чёрные фраки, белые рубашки, камерная атмосфера... Совсем интересно с музыкой стало, когда я освоил синтезатор. Это вообще – «чума»! Считаю, у тебя целый оркестр под руками! Хочешь – орган, хочешь – скрипка, хочешь – акустическая гитара с нейлоновыми или стальными струнами. Плюс ещё оказалось, что подзаработать с этой «машинкой» вполне себе просто и реально. Вещь достаточно компактная, легко можно взять куда-нибудь с собою. Это вам не концертный рояль или пианино. Я, поступив в институт, почти сразу же познакомился с ребятами, у которых уже была «своя рок-группа». И я, даже ещё не окончив первую сессию, сразу с ними – по свадьбам, по дням рождения, по кабакам... Лабаля «живую музыку», своё, и так, «под заказ». Очень кстати я парням пришёлся. Хороший «клавишник», да на синтезато-

ре, да с образованием, он ведь что угодно сыграть сможет! А мы ж с ними ещё все с института иностранных языков. Спеть хит на английском? Нуу проблемс, как говорится! Итальянское диско? Да запросто! «Бабки» только платите!

Правда, на других языках, кроме английского, исполнение как-то особо не заказывали. Ну, почти не заказывали... Итальянское диско, Челентано там, да, бывало. Иногда на французском. Причём такое впечатление, что из всех французских исполнителей народ у нас знает только Мирей Матье. Но её реально сложно повторить. У неё ж голосина-то, дай боже каждому нашему «российскому фанерщику» от него хоть четвертушку. Но, раз заказывают, нужно держать марку и исполнять. Оленька, наша солистка, и исполняла. А если точнее – пыталась. Хе-хе... Мирей наверняка бы перекосило, если б слышала. Да ладно, с неё не убудет! Можно сказать, что мы её популяризировали в окрестных кабаках. Выводили русский народ на новый эстетический уровень! Всё это, конечно, хи-хи да ха-ха, но мне такое времяпровождение и заработок – абсолютно не «в лом». Учёба много времени у меня не занимает, а в кабаках часто бывает весело. Полно девушек, ищущих приключений. Иногда – танцы на столах. Иногда – драки. Или там, отколет кто чего новенького, неожиданного. Например – в Хогвартс сквозь стену проходить начнёт... Не, пьяные рожи, «заказывающие» одно и то же, они, конечно, надоедают, но если промежать кабаки детскими утренниками и собственными кон-

цернами, да ещё выступлениями на разных рок-сборищах, то, в общем-то, никаких душевных напрягов. И при всей своей внешней неэстетичности, пьяные рожи – люди весьма и весьма щедрые на деньги. А деньги – они всегда нужны. Особенно молодому парню. Не сидеть же на родительской шее? Я уже, считай, совсем взрослый. Живу уже четыре года сам, в общежитии, без родителей. Ещё один год учёбы – и у меня будет профессия, которой буду зарабатывать себе на жизнь. Нет, можно было бы, конечно, подрабатывать и переводами... Я так иногда и делаю. Но это скучно. Под музыку, с ребятами «косить капусту» гораздо веселее. Да и потом? Я зря, что ли, в музыкальной школе пять лет зад отсиживал? Что, вот так вот взять и выкинуть всё? Пусть хоть какая-нибудь, да отдача будет...

Как я вообще попал в институт иностранных языков после музыкальной школы? Очень просто. Опять спасибо маме. Учительница в школе как-то на родительском собрании сказала ей, что у меня «хорошо идёт» английский. И я тут же получил от мамы дополнительную нагрузку. В виде индивидуальных занятий с учителем английского языка. Мотивационный посыл был прост: мол, когда я буду ездить с концертами по Европе, то мне, знаменитому пианисту, знание английского очень и очень пригодится. Ну, ладно... Маму я привык слушаться. Стал учить английский. Тут-то внезапно и выяснилось, что у меня не только английский «идёт». Учитель, крупная такая тётя в возрасте и с большим педаго-

гическим опытом, посмотрела на мои успехи, посмотрела и вдруг подсунула мне немецкий. На котором я «залопотал» без особого труда. Что немецкий, что английский, мне было особо без разницы. Помню, меня тогда сильно смешили немецкие слова. Бесконечно длинные, составленные из трёх-пяти нормальных, коротких слов.

– У вашего мальчика отличные способности к языкам, – строго смотря на неё поверх своих очков с толстыми стёклами, сказала маме репетиторша, – несомненно, это – талант! Думаю, вашему мальчику нужно всерьёз подумать о карьере переводчика...

Мама была в восторге! Она знала, что её сын талантлив, а тут такое подтверждение! И это вам не грамота с конкурса балалаечников, а – ЯЗЫК! Да ещё и не один! На тот момент в музыкальной школе я особых звёзд с неба не хватал. Отличник, хорошист – да. Но, слово «талант» учителя в связке с моим именем и фамилией не использовали. Обычно говорили «хороший мальчик». Думаю, что маме, наверное, тогда, после слов репетиторши, представилось, как я работаю переводчиком при каком-нибудь нашем посольстве в Европе или Америке...

...Серый двухэтажный особняк с тонированными стёклами больших окон, ярко-зелёная лужайка коротко подстриженной травы перед ним. Черного чугуна ажурная ограда, вокруг всего этого... Её сын ездит на дорогих иностранных машинах с дипломатическими номерами... Переводит

на важных международных встречах, стоя за спиною президента и наклоняясь к его уху...

В общем, вопрос, куда я поступаю после школы – в консерваторию или институт иностранных языков, решил-ся очень быстро. Куда? Конечно же в институт! Музыканты нынче нищенствуют, а «языки» – перспективно и доходно. И мир можно посмотреть... И за границей можно жить остат-ся...

– Ес! Ов кос! – ответил я маме, соглашаясь с её решени-ем. Хорошо зарабатывать и путешествовать – это здорово! На это я был согласен. Хотя бросать музыку было жалко. Но я тогда подумал, что вполне можно ею заниматься самосто-ятельно, сделав её просто своим хобби. Профессия в жизни должна быть надёжной. А музыка будет для души.

С выбором кафедры мне помог отец.

– Смотри, – сказал он, – английский у нас нынче учат все, кому только не лень. Все вагоны в электричках листовками курсов уклеены. Что из этого следует? Следует из этого то, что в этом сегменте рынка большая конкуренция. У нас с мамой, увы, нет таких знакомств, чтобы в «дипломатичку» тебя впихнуть. Сам знаешь, не маленький уже, что на «хоро-шие места» сейчас попадают лишь «по знакомству». А в «ди-пломатичке» – вообще всегда так было. Даже при Советском Союзе. Поэтому, если кто-то будет знать язык хуже тебя, но у него будет блат, возьмут его. Лишь под тем предлогом, что он что-то там «мычит» и у него есть какие-то «левые» ко-

рочки с курсов. А ты, если сам туда как-то «влезешь», будешь работать за гроши, да ещё за себя и за того «мычащего» парня. Потому что взяли тебя не по знакомству, а с улицы. Благодарен должен быть, понимаешь? Пока ты там связями обзаведёшься, пока вырастешь, полжизни пройдёт. Стоит ли такая овчинка выделки? Раз у тебя так хорошо идут языки, попробуй тогда какие-нибудь более экзотические и трудные. Например, восточные. Регион активно развивается. Китай – точно станет скоро сверхдержавой, Корея и Япония – кузницы технологий. Думаю, что со связкой из языков: английский – китайский, английский – корейский или английский – японский ты точно не пропадёшь. Если всё сложится, заключишь договор непосредственно с иностранной фирмой, минуя наш «блатняк». Чтобы не быть потом по гроб жизни кому-то обязанным...

Ну, я послушал отца и попробовал. Получилось! Вполне возможно, что тут сыграло роль то, что я до этого занимался музыкой. Восточные языки, они ведь «модуляционные». От интонации, с которой произнесена фраза, зависит смысл сказанного. Я слышу все тональности – без проблем. Для других же, занимающихся вместе со мною, это что-то вроде шаманизма. По десять раз слушают, прежде чем услышат различие в произношении. А я – с первого раза. В общем, мне моё будущее понятно. Это Восток. Либо Корея, либо Япония. Поэтому, я учусь, делая упор на изучении этих двух языков. Но в основном больше на японский. Была ещё у

меня идея учить китайский, чтобы потом «замутить» в Китае что-то типа своего бизнеса, но от этой идеи я отказался. Отказался не от идеи бизнеса, а от изучения китайского, потому что возник ряд причин. Во-первых, в нашем институте его попросту не преподают.

На вопрос «почему?», заданный ректору на его встрече с первым курсом, тот хитро улыбнулся.

– А зачем вам? – с хитрым лицом спросил он.

– Ну как же? – недоумённо спросили из зала. – Все знают, что скоро весь мир будет говорить на китайском...

– То, что весь мир будет говорить на китайском – абсолютная чушь! Никогда такого не будет! – категорическим тоном ответил ректор. – Подобное говорят поверхностные люди, которые не являются лингвистами и не представляют себе реального положения вещей. Не повторяйте чужих глупостей. Изучить английский – трудно, изучить японский – очень трудно, изучить китайский – архитрудно! Иероглифическая система китайской письменности невероятно сложна и громоздка в написании. Она совершенно не подходит для современного мира, в котором скорость и лаконичность передачи информации является основной установкой развития общества. Вы просто не представляете, насколько это сложно – что-то написать на китайском языке! К тому же в Китае из-за множества народов, составляющих китайскую нацию, существуют десятки наречий, зачастую кардинально различающихся между собой. Различающихся настолько, что люди из раз-

ных провинций иногда просто не понимают друг друга, хотя все они живут в одной стране и говорят на одном языке – китайском. И это у них считается нормальным... Несмотря на то, что болтают в наших СМИ о необходимости учить китайский, в реальности всё больше и больше самих китайцев учат английский язык, который является общепризнанным языком международного общения. Вы сами сможете в этом убедиться, побывав в Китае. Зная английский, вы гораздо быстрее найдёте там себе китайского собеседника, чем пытаясь говорить на китайском. А главное – вы поймёте, что он вам сказал...

– Так что, – продолжил ректор, переждав смешки в зале, – вместо китайского – учите английский, и будет вам, как говорится, счастье... Но, конечно, если вы хотите быть китаеведом, то тогда вам, несомненно, нужен будет китайский язык. Однако, повторяюсь, в нашем институте его не преподают...

В общем, услышав сказанное ректором, я решил не торопиться и не «гнать коней к яру». Заглянул в учебники по китайскому – действительно, чёрт ногу сломит! Послушал диалекты – да, очень непохожие.

Это раз. Во-вторых, уже учась на втором курсе, удалось смотаться в Китай со знакомым отца, предпринимателем. Очень не понравилось. Шумно, людно, грязно. Прилетели в Пекин, выходим, а там такой смог – Москва отдыхает! Видимость на дороге – не более ста метров и дышать реально нечем.

Может, конечно, там, где туристические отели, и получше с экологией. Наверняка получше, но друг отца прилетел «по делам», поэтому маршрут своего путешествия он проложил по трём промышленным центрам, там, где ему было нужно. Я, собственно говоря, и хотел их посмотреть в плане своего гипотетического бизнеса, поэтому и «упал ему на хвост» с помощью отца. Посмотрел. Посмотрел и понял, что жить мне тут совершенно не хочется. Ежу понятно, что через пару лет жизни в окружении миллионов чадящих труб и гор вонючих отходов любой получит себе какое-нибудь нешуточное заболевание. Зарабатывать деньги, чтобы потом отдать их все за лечение? Это не тот жизненный путь, которым должен следовать разумный человек. Не, в Китае правительство, конечно, понимает, что нужно что-то делать. Но его указы о том, что свалки не должны превышать высоты шестнадцати этажей и располагаться не ближе чем в пятистах метрах от жилых домов... По мне, так они только стимулируют у граждан мысль о том, что – «пора валить»...

Потом я узнал про расстрелы... Нет, я, конечно, знал, что в Китае есть смертная казнь. Подробностей вот только не знал. Оказывается, что большинство приговорённых не просто расстреливают, а используют для общественного блага – пускают на органы: чего, мол, добру пропадать? Причём график смертных казней подстраивается под график операций, а приговорённых перед расстрелом обследуют на пред-

мет того, у кого какие органы можно взять. В зависимости от результатов обследования человеку стреляют либо в голову (если нужны внутренние органы), либо в сердце (если нужны роговицы глаз и тому подобное). Однако такого способа расставания с жизнью удастаиваются далеко не все казнимые. Есть некоторые органы, которые нужно извлекать быстро, а таскание мёртвых тел от расстрельной стенки к операционному столу требует времени и поэтому портит товар. Из-за этого некоторых не расстреливают, а просто потрошат. Примерно до 2007 года перед операцией делали анестезию, но потом решили, что это чрезмерный гуманизм и лишние расходы из бюджета. Поэтому теперь приговорённых лишь привязывают покрепче и поглубже заталкивают кляп...

Я как представил себе всё это, враз всё желание жить в Поднебесной у меня окончательно и пропало. Ну его на фиг, этот бизнес. Нет, я конечно, согласен, что маньяки и убийцы должны нести заслуженную кару и пусть испытывают на себе всё то, что они творили со своими жертвами, но... Всё же это уже как-то слишком. В Китае, ведь если поймали пьяным за рулём, тоже – смертная казнь. Даже если ни на кого не наехал. В общем-то, да. Пьяный за рулём – убийца. Может, оно так и надо, но мало ли какие случаи бывают в жизни? Я тоже пару раз на байке своём рассекал после принятия пива. Ну, нужно было. Да, был не прав. Осознал и больше так стараюсь не делать. А попадись я на первом разе – разобрали бы на фиг на «запчасти», и осознать бы ничего не успел...

Короче говоря, кое-где дела в Китае творятся такие, что доктор Менгеле грустно завидует им со своей сковородки в аду, а я ориентируюсь теперь только на Японию и Корею. Больше на Японию. Вроде есть вариант пристроиться в российское представительство японской компании, торгующей системами автомобильной диагностики. Конечно, хотелось бы сразу уехать на работу в Страну восходящего солнца. Там можно и язык мигом «поднять», да и просто пожить интересно будет. Я же не потому хочу уехать, что эмиграция – светлая мечта всей моей жизни. Меня и в России житьё-бытьё вполне устраивает. Просто это вопрос профессионального роста. Невозможно досконально изучить язык, не прожив несколько лет среди его «носителей» и не «погрузившись в среду». А я хочу стать профессионалом. Но, пока что есть, то есть. Если подвернётся нечто лучшее теперешнего варианта, переберусь туда. На моём курсе уже многие подыскивают себе место работы. Хороших мест мало... Усиленно «долблю» японский и параллельно слушаю бесплатные интернет-курсы по компьютерным технологиям. Курсы для того, чтобы в терминологии разбираться. Язык – это одно, толкование специализированных терминов – это другое...

На экране между тем продолжается фильм.

«...Обычные атрибуты Гуань Инь: кувшин с веткой ивы, верёвка (символ спасения от бед), книга, чётки, посох, трезубец, юбка из тигровой шкуры (символ бесстрашия)...

Наиболее часто Гуань Инь изображают с четырьмя рука-

ми, восемью руками и одиннадцатью ликами, тысячерукой, хотя канонами предусматриваются и более сложные изображения, вплоть до 84000-рукого и 84000-ликого (они практически не встречаются)...

У тысячерукого изображения на каждой ладони есть глаз. Ими бодхисаттва видит одновременно всех находящихся в беде в бесчисленных мирах Вселенной, этими руками она их спасает...»

Восемьдесят четыре тысячи рук! – изумлённо присвистнул я про себя, открывая глаза и разглядывая появившееся на экране изображение многорукой фигуры, – вот это ничего себе! Как столько можно нарисовать? А если разделить восемьдесят четыре тысячи на два... По две руки на один мир. Тогда получится, что существует сорок две тысячи миров! Здорово! Это же «тайное знание древних», прочитанное между строк! Можно будет потом где-нибудь при случае сумничать...

Я наострил уши, желая услышать ещё что-нибудь интересненькое, и уставился на экран, разглядывая изображение многорукой богини. В этот момент пошёл фрагмент из выступления китайских танцовщиц. Группа девушек изображали собой многорукую богиню. Зрелище было завораживающим.

«...В традиции Великого Белого Братства Гуань Инь известна как Вознесённая Владычица, которая занимает пост

Богини Милосердия, так как она воплощает Божественные качества закона милосердия, сострадания и прощения. У Гу-ань Инь было множество воплощений, предшествующих её вознесению тысячи лет назад, и она принесла обет бодхисаттвы, научить невознесённых детей Бога уравнивать карму и выполнять божественный план, с любовью служа жизни и используя фиолетовое пламя посредством науки изречённого Слова...»

Что за «фиолетовое пламя», – не понял я, – о чём это?

Но тут фильм закончился и в зале плавно загорелся свет. Все стали аплодировать вышедшим на низенькую сцену, к экрану, его переводчикам – двум низко кланяющимся корейским девушкам и парню.

Ну, вот, – подумал я, щурясь от света и тоже активно хлопая, – только заинтересуешься, как всё кончается. Впрочем, нужны мне сейчас эти боги... Нет, конечно, если собираешься жить в стране, то нужно знать её культуру и обычаи, чтобы где-нибудь по-глупому не попасть впросак. Но, если сложить всех богов Кореи и Японии, так там же запросто череп треснет! На память не жалуюсь, мозги у меня хорошие, но отнюдь не резиновые. Голову беречь нужно! Лучше запомнить пару новых слов, чем имя какого-то бога. Вот станет окончательно понятно, в какой стране я буду работать, тогда углублённо и изучу её иконостас. А пока мне вполне достаточно общего представления...

Я встал с кресла и вместе со всеми потихоньку пошёл на

выход, уйдя мыслями вперёд, к сегодняшнему вечеру. Может, ну его, и лучше пойти в концертный зал и начать готовиться? Вечером у меня с парнями выступление на самодеятельности. Будет совместный концерт. Корейцы будут показывать, чего они умеют, наши, институтовские, будут выступать «в ответку». Один из концертных номеров за нашей группой. С парнями долго ломали головы – чего бы такого придумать, чтобы не ударить, так сказать, по полной, «фейсом в тейбл»? С корейцами тягаться сложно. У них поддержка эстрады возведена чуть ли не в ранг национальной программы. Вся молодёжь поёт и танцует как сумасшедшая, по двадцать четыре часа в сутки, мечтая стать звездой. Тут как-то в СМИ писали, что в Южной Корее за прошлый год в среднем по две новые группы в месяц дебютировали. Это вам не тут, где ничего не делая, все спокойно ждут, когда какой-нибудь «самородок» вдруг вылезет и, не требуя никаких вложений в себя, осчастливит своим талантом всю Россию-матушку... А все непричастные потом ещё и «бабки» будут с него стричь...

Короче, думали мы с парнями, думали и наконец придумали! Взяли один из последних хитов группы T-ara – «Number Nine» – и написали к нему свои слова. На русском.

А что? Корейцы русский учат, должны шутку понять. И музон там хороший, ритмичный. Я оранжировочку сделал, я это умею. Думаю, что будет нормально. Не осраимся. А чтобы уж совсем точно не опозориться, нужно бы сейчас

пойти и посмотреть, что там, с подготовкой происходит...

– Юркин, ты не забыл, что должен выступить на диспуте? Оборачиваюсь на голос. Леночка Гречкина! Шухер! Крокодилы – «атакуе»!

– Конечно, помню, Ленусик, – со слащавой улыбкой ответил я.

Ещё бы тут забыть! Я бы, конечно, просто так добровольно на такую дурь не подписался бы, но в ректорате обещали «двум особо отличившимся активистам» поездку в Корею. На разговорную практику. Хотя мне и очень хочется в Корею, но с Гречкиной, в пасть к её подругам, идти абсолютно нет никакого желания. Они там придумали провести диспут на тему «Проблемы равноправия женщин в современном обществе» и притащить на него наших гостей. Да, это беспроектный ход... Корея – одна из немногих нормальных стран, в которой сохранился здоровый патриархальный уклад, поэтому тутошние вопли про то, что бабам чего-то не хватает и жить они поэтому нормально не могут, гарантируют корейцам круглые глаза и впечатления на всю оставшуюся жизнь. В Корее, там чётко следят за тем, чтобы женщины никуда не лезли, куда им не положено, и поэтому страна нормально живёт себе и развивается. Не то что вырожденка Европа, гибнущая в стальных объятиях матриархата. Так что наши больные на голову «активистки», вместе с Гречкиной, это точно рассчитали. Скандал – это всегда скандал! А поскандалить пригласили меня и ещё нескольких

парней, у которых язык хорошо подвешен. Запланированный сценарий действия таков: женская половина, присутствующая на этом фемошабаше, выкатывает претензии к присутствующим мужчинам, те в ответ возражают, желательно с проявлением мужского шовинизма и ретроградства, девушки начинают полемику, шум, крик, гам, борьба идей, свобода слова и всяческая либерастия. Итог – корейцы потрясены разгулом демократии в России и уезжают к себе в полном ауте. У них-то такого точно нет! А вот у нас – есть! И мы, типа, круче получаемся. Дурь полная, и нормальный человек участвовать в этом не станет, но, повторяюсь ещё раз, очень хочется в Корею... Может, если постараться, я стану одним из этих двух «особо отличившихся активистов»? Полчаса позора, и ты в Корею...

– А ты – подготовился? – заглядывая мне в лицо, поинтересовалась Гречкина.

– А то! – ответил я. – Ночь не спал, слова искал!

– Тогда – пошли!

– Ну пошли, – индифферентно пожав плечами, согласился я, направляясь по коридору вслед за нею.

Не то чтобы Леночка страшная... Просто когда она смотрит на парней, у неё такое лицо, словно она прицеливается – откуда кусок мяса выдрать? Возможно, мне это только кажется, поскольку я в курсе, что Ленусик усиленно работает над бизнес-идеей приобретения мужа для своего светлого будущего. Но всё равно, даже без этого, есть у неё в гла-

зах нечто такое... аллигаторное. Причём мужем у неё может стать любой. Любой, в смысле с нашего потока и из института. Любой парень, лишь подходящий под её критерии. Я подхожу и тоже могу им стать. Могу, но не хочу. Ибо знаю, что она, будучи ещё на первом курсе, на даче у Коляна, в «группен секс» участвовала. Колян мне сам в подробностях рассказывал. И не один раз там такое было. До тех пор было, пока Кольку со всей его компанией не «замёл» его отец, не вовремя вернувшийся из города. Колян тогда получил конкретных «люлей» и чёткое указание – «блядей на дачу не водить!», после чего любителям оргий пришлось искать для своих забав новое место. Но, как говорится, кто ищет, тот всегда найдёт... Я сам тогда не участвовал в ихнем действе, ибо был на тот момент скромным, домашним мальчиком, только-только окончившим музыкальную школу... Это я сейчас испортился. Понасмотрелся по кабакам всякого... Ну и попробовал, конечно. Тем более что проблем с этим никаких нет. Молодым, не страшным на морду парням, вообще сложно играть музыку во всяких там питейно-увеселительных заведениях. Подвыпившие девки, пришедшие за приключениями – это что-то. Сквозь стены пройдут, но приключений на свой зад всё равно найдут. Порою реально приходится думать, как бы незаметно исчезнуть, чтобы не стать жертвой этих самых приключений? Впрочем, не только молодым музыкантам сложно. Бармен Жорик, которому уже за тридцатник, тоже «перегрузки» испытывает. После полуно-

чи вечно у него в подсобке какая-нибудь баба сидит. Ждёт, когда её трахаться повезут. Один раз две девахи там даже подрались. За поездку на «олимпиаду» боролись, хе-хе... Жоре, полезшему их разнимать, «по запаре» морду расцарапали. Тот озверел и натурально пинками в зад выпинул этих пьяных кошек из своей подсобки. Как я понял, в тот вечер он остался без секса, но по его виду я бы не сказал, что он выглядел от этого огорчённым. Конечно, чего там жалеть, если у него день через день такая бодяга творится? Похоже, Джорджика такая жизнь слегка утомила. И мне кажется, может, даже и не слегка.

Как-то днём, ещё до открытия, зашли мы с парнями в кабак вернуть аппаратуру, которую таскали на выступление. Заходим и видим картину маслом: в пустом зале, за столом, сидит Жорик и, подперев рукою подбородок, грустно слушает радио, смотря куда-то сквозь стену невидящим взором. А по радио Семён Слепаков ему проникновенно поёт, жалуясь:

Я затрахался трахаться...
Я реально затрахался...
Не хочу тебе плакаться,
Но ещё больше – трахаться...

Услышав шум, Жора вернулся из астрала, сфокусировал взгляд на нас и, глубоко вздохнув, сказал: «Мужик, Слепаков! Понимает...»

Может, у Семёна тоже – день через день? С чего-то ж при-

шли ему в голову такие слова? А судя по той активности, которую порою излучают пьяные «юные невинные девушки», вполне может быть... Впрочем, бабы в возрасте в этом плане тоже стараются не отставать от «юных дефффф». Оо-о, этот хит всех времён и народов от Натали! Вах, сколько мы его исполняли! Думал, язык сотрётся. Короче, типичная картина, повторявшаяся каждый вечер, в течение последнего полугода: стоит, значит, на танцполе тётка, тело без талии, «сарделька» такая, в туфлях на здоровенных шпильках и голосит на весь зал, во всю мощь своих связок: «О боже, какой мужчина!!» А потом начинает бить «копытом» в пол, требуя – «я хочу от тебя сына! И я хочу от тебя дочку, и точка, и точка!» И непонятно, то ли прямо тут, прям сей миг, обеспечить ей требуемое, то ли везти её куда срочно, пока не протрезвела... Пипец полный. А ещё говорят – мужики озабоченные. Не верь ушам своим, верь глазам! Кажется, Козьма Прутков сказал, хотя я могу и ошибаться...

Поэтому с девушками я стараюсь... аккуратненько так. На расстоянии. Не, если потрахаться – это всегда пожалуйста, если она симпатичная, а в остальном... Врут они постоянно. Всё ими сказанное лучше сразу множить на ноль. И жить без проблем. Ибо не разберёшь, где они пургу гонят, а где правду говорят. Та же Гречкина, к примеру, днём скромная такая, в библиотеке книжки берёт, не курит, одета не вульгарно, даже не красится особо. Но вечером может запросто у Жорика на дежурство в подсобке заступить или на дачку к

Колянну поехать... Не знай я, про неё бы и не подумал даже. И главное, наглая такая! Глазки она мне строит! Что, не знает, что все давно в курсе? Дура совсем, что ли? Головой бы своей хоть немножко бы подумала – на фиг мне такая жена нужна? Чтобы мне потом всем институтом рассказывали – как она умеет? Ага, щас! Разбежалась!

Впрочем, Леночка глазки строит всем. За остальным женским коллективом тянется. Наши девочки на четвёртом курсе усиленно невеститься стали. Всех перспективных женихов в округе окучили. Пожалуй, без постоянных девушек из нормальных парней на нашем факультете остались только я и Серёга Шапкин. Я – «бегаю», а Шапкин – мажор. Папа ему там какую-то «тёлку с деньгами подгонит», как он брякнул как-то по пьяни. У неё там офигительно крутой папа, чуть ли не олигарх, а может, даже и олигарх, короче, наши простушки ему – «не пляшут». С Серёгой всё ясно. Деньги у него есть, будет ещё больше, а менять «бабок» на «любоффф» он не собирается. Женский пол это уже давно просёк и поэтому его особо не донимают. Так, иногда проверяют, типа – «а вдруг»? У меня же денег нет, но препода меня хвалят и говорят, что я вполне могу сделать хорошую карьеру. Поэтому на меня – «есть спрос». «Пусть не сразу, так потом» – наверное, так думают наши девушки, оценивая рассматривая меня. Все они, как одна, в России оставаться не намерены. Все хотят жить и работать за границей. А я – потенциальная стартовая ступень, на которой можно перелететь за эту гра-

ницу. Поэтому я и «бегаю», поскольку знаю, что стартовые ступени всегда сбрасывают, чтобы не мешали дальнейшему высокому полёту... Для себя я решил так: если вдруг знакомиться с девушкой, так не говорить при этом, кто ты и откуда. Наладить простой человеческий контакт для начала. Без всяких отягощающих обстоятельств, вроде тех, кто, сколько зарабатывает и у кого какие перспективы и возможности. И постараться натихую разузнать, по каким кабакам она шлялась и на какие дачи она ездила, чтобы не офигевать потом...

– Заходи! – сказала Леночка, остановившись возле двери аудитории.

– Только после вас, мадам!

– Заходи первым. У нас ведь равноправие. Сбежишь ещё...

– А что, надо? – поинтересовался я, распахивая дверь.

Мгновение спустя я понял, что было надо! В аудитории за партами сидели одни бабы! Все их оппоненты куда-то слиняли, и из мужиков был один я.

Похоже, я крупно влип... – подумал я, переведя взгляд с амфитеатра на сцену, на которой за столом сидели члены корейской делегации и с интересом смотрели на меня.

Блин! Но не убегать же испуганно на их глазах! Вот, парни, гады. Подставили! А Гречкина – под конвоем привела. Ладно. Как там фраза-то звучит? «Если у вас лимон, сделайте из него лимонад»? Так, кажется? Ок, буду жать лимонад. Какая там заявка на тусняк была? Мужской шовинизм и са-

тания? Хорошо, будет шовинизм и сатания!

* * *

– Ну и какие же это у нас права женщин ущемляют? Какие? Лично я вижу, что женщины вокруг меня что хотят, то и делают. Хотят – спортом занимаются, хотят – в космос летают, хотят – в думе сидят или бизнес свой прокачивают. Разве это не так? Власть, деньги, свободный выбор профессии и места жительства. Что ещё вам для свободы-то не хватает?

– Юркин, а ты знаешь, что, по статистике, женщины получают заработную плату примерно на тридцать процентов меньше, чем мужчины?

– Не знаю, откуда у тебя такие секретные данные. В нашей стране на госпредприятиях – тарифная сетка. Всем платят по сетке. А в ней нет деления на мужскую и женскую половины. Никаких «гендерных» вычетов в ней нет. Это совершенно точно, я лично узнавал. О каких тридцати процентах ты говоришь?

– А в частной фирме? Там всегда на той же должности женщине платят меньше, чем мужчине.

– В частной фирме – кто как договорился, тот так и получает. Не нравится – уходит в другую контору. Если ты не можешь продать себя дорого, то это всего лишь проблемы отсутствия у тебя головного мозга, и ничего иного. Это капитализм. Все крутятся, как могут. И женщины, и мужчины.

– Но всё равно, Юркин, ты же не станешь отрицать, что к женщинам на работе у нас другое отношение, чем к мужчинам?

– К тем, кто ничего не делает, а целыми днями только треплется, выбивая себе какие-то привилегии, – да. А к тем, кто работает, к тем, кто профессионал, к тем отношение нормальное. Вот возьми нашу кафедру хотя бы. Половина преподавателей – женщины. Две из них – профессора, сама их знаешь. Ну и где, позволь тебя спросить, их тут ущемляют? По мне, так они сами кого хочешь ущемят... (Смех в аудитории.)

– Я тебе говорю о мировой статистике!

– А зачем мне мировая статистика? Ты б мне ещё про трудную жизнь женщин тумба-юмба рассказала!

– А что, они не женщины, что ли?

– Может, и женщины. А помнишь, что профессор Преображенский про помощь голодающим в Африке сказал? «У нас свои проблемы есть!» – вот что сказал он. Пусть они там сами разбираются. У нас тут своя... Африка!

...

– Ты ещё скажи, что женщинам высшее образование не нужно!

– Если подходить по-нормальному, то, в общем-то, да...

– Как это – «по-нормальному»?

– Ну, смотри. Демографы подсчитали, что для того, чтобы нация росла, нужно, чтобы каждая женщина рожала в сред-

нем три целых двадцать пять сотых ребёнка. Слышала такую цифру?

– Да.

– Давай теперь считать. Три целых двадцать пять сотых – родить именно столько, я понимаю, сложно, поэтому округлим до четырёх. По уходу за ребёнком наше государство даёт женщине три года. Умножаем три на четыре – получаем двенадцать лет. Институт девушки заканчивают в двадцать два – двадцать три. Год поработать, туда-сюда, замуж, декрет. Ну, где-то двадцать четыре, двадцать пять – первый ребёнок. Прибавляем к этому возрасту двенадцать лет. Получаем тридцать пять – тридцать семь лет. Вот у меня вопрос – кому нужен специалист, который, грубо говоря, ни дня не работал по профессии? А ведь он учился. На него тратились человекочасы и материальные ресурсы, которые фактически вылетели в трубу. Зачем? Зачем он занимал чьё-то место? Чтобы найти себе мужа в институте? И всё? (Очень неодобрительный гул женских голосов в аудитории.)

– Поэтому нужно создать условия, чтобы женщина могла восстановить свои профессиональные навыки после перерыва!

– Ага. Вот представь – у тебя внезапно заболел зуб. Ты ночь промучилась, а утром побежала в зубоврачебную клинику – сдаваться. Прибегаешь туда, а там, на ресепшн, тебя встречает улыбчивая девушка, которая тебе радостно так говорит: как хорошо, что вы к нам пришли! У нас все врачи

по записи, но вчера на работу вышла женщина, которая десять лет сидела по уходу за ребёнком. Она с удовольствием поковыряется в вашем зубе, пытаясь вспомнить, что там и как! Пожалуйста, проходите! (Смех в аудитории.)

– Лен, скажи честно, услышав такое, ты пойдёшь помогать этой женщине поднимать её профессиональный уровень? А? Вот только честно? Я уверен, что ты со всех ног кинешься в другую клинику, искать врача, у которого была непрерывная практика каждый день. Ты же не дура и не враг себе. Так ведь?

– Сергей, то, что ты сказал – это большая проблема для женщин, выходящих на работу после перерыва, связанного с деторождением. Необходимо создавать условия, при которых женщина, родившая детей и выполнившая свой долг перед обществом, могла бы с наименьшими усилиями вернуться к работе...

– А кто за это будет платить?

– В смысле?

– Ну, просто так ничего не бывает. Чтобы поднять профессиональный уровень – нужны какие-то курсы, какие-то преподаватели, какие-то материальные и временные затраты. За всё это нужно будет заплатить. Кто это сделает?

– Руководство предприятия должно иметь для этого специальный фонд...

– Работодатель? Ага. Прямо он так и кинется из своего кармана чью-то учёбу оплачивать. Даже если его законом

обяжут это делать, то тогда – где он средства возьмёт? Взять их он может только в одном месте – у меня. У покупателя. А это значит, что вся его продукция подорожает, ибо в её цену вобьют деньги на наполнение этого фонда. Мне это нужно, чтобы продукция дорожала? Нет, не нужно. Да и никому не нужно. Вон, спроси кого хочешь, согласны ли они оплачивать переучивание каких-то неизвестных им женщин ростом стоимости услуг и товаров? Вряд ли найдётся много желающих встать на этот скорбный путь...

– Юркин, но она же детей рожала! Долг перед Родиной выполняла!

– Если за выполнение долга требуют оплату, то это уже не долг, а нечто иное... У мужчин, между прочим, тоже никто долг не отменял – детей этих кормить. Пусть мужчинам тоже тогда льготы дают... (Неодобрительный гул в аудитории.)

– И что ты предлагаешь?

– Пусть женщины сидят дома и занимаются детьми. Мужчины работают. До двадцатого века всегда так было. Вон, спросите, как в Южной Корее дела обстоят? Всё именно так и устроено. Поэтому страна нормально живёт и развивается. А у нас, да и в Европе тоже, вместо развития – ежедневный цирк на конной тяге... (Смех в аудитории.)

...То фемен голышом, то министры в одних трусах, после развода, бегают... А экономика – стоит.

– То есть ты – за патриархат?

– Да, я за патриархат и за мужской шовинизм. Я консер-

ватор. Аллилуйя! (Неодобрительный гул женских голосов в аудитории.)

– Значит, ты отказываешь женщинам в праве на равных, вместе с мужчинами участвовать в развитии общества? Так?

– Ну, вы сами это признаёте. Требуя женщинам льгот и привилегий, вы тем самым говорите, что при нормальных условиях женщина не может участвовать в его развитии, ибо ей нужны какие-то особые, тепличные условия.

– Женщина в жизни слабее мужчины. И естественно, что ей нужна дополнительная поддержка.

– Постой. Но мы же вроде за равноправие тут говорим? Равноправие – это конкуренция на равных, без всяких льгот. Какие такие льготы тогда? Неконкурентоспособен? Сиди дома и не чирикай. Есть что предложить – выходи и предлагай. Вся правда жизни. Если же вы, Гречкина, ставите себе задачу улучшить жизнь людей, сделав законы более человечными – тогда пишите в законах слово «гражданин», вместо слова «женщина». И тогда вас поддержат не только женщины. Мужчины – тоже люди, тоже жить хотят... (Смех в аудитории.)

* * *

... – По нынешним временам самое главное – не плоть и не душа. Самое главное сегодня – деньги!

– А любовь? Хочешь сказать, что она тоже после денег

стоит?

— Когда я вижу, сколько бабла поднимают на День святого Валентина или на то же Восьмое марта, продавая это светлое чувство оптом и в розницу, то у меня невольно начинают возникать сомнения в самом смысловом значении этого слова. Думаю, что нынче между словами «любовь» и «деньги» можно смело ставить знак «равно». Говорят, что до семнадцатого века понятия любовь вообще не существовало. И ничего, как-то жили. А сейчас прямо все как с цепи с этой любовью сорвались. Опять же классики. Помнишь фильм «Здравствуйте, я ваша тётя?». Как там Калягин пел — «И не цветёт любви цветок без славы и успеха-а!» А? Ну, подумай сама, кому ты нужен, если ты хороший, добрый и весёлый бомж? (Смех в аудитории.)

* * *

— Уважаемые гости нашего форума! К сожалению, наше время подошло к концу. У нас вышла, на мой взгляд, весьма интересная и познавательная дискуссия, которая, как я надеюсь, дала понять, какое виденье мира существует в головах наших современников, в особенности у мужчин. Спасибо всем за это. А теперь наше мероприятие я объявляю закрытым! (Аплодисменты в аудитории.)

...

— Ну, Ленусь, я вытянул твоё «мероприятие»? Считай,

буквально реанимировал этот труп.

– Юркин, где ты только такого понахватался?

– Это циничный взгляд на жизнь современного, прагматичного мужчины. А что? Чем он тебе не нравится? У нас свобода мнений. Кто чё хочет, тот то и несёт...

– Ну, ты и тип, оказывается, Юркин...

– Нормальный я тип. Ты, главное, в деканат отметочку не забудь сделать, что я тут жизни и своего доброго имени не щадил в борьбе за плюрализм мнений! В одиночку, заметь!

– Блин, Юркин!

Шкурка вторая

Место действия: безбрежная равнина серого песка. Прозрачное закатное небо зловеще-алого цвета. Где-то высоко-высоко – узкие полосы тёмных облаков. Над равниной дует ровный, сильный ветер. Холодно и пронзительно. Выстроившись узкой, уходящей к горизонту раскачивающейся тёмной лентой, бредут друг за другом мужчины и женщины. Все они одеты в какие-то просторные чёрные хламиды до пят. Их длинные рукава и подолы треплет ветер. Звучит торжественная органная музыка.

Где это я?

Ошарашенно озираюсь по сторонам, потом задираю голову вверх.

Вау, небище-то, зловещее какое! И ветер... Брр-р! Холодрыга! Жутко неудобно. Опускаю голову вниз: кто эти люди?

У всех бледная, серо-синего оттенка кожа на лицах, погасшие взгляды, опущенные плечи, ссутуленные спины. Все, как один, одеты в какие-то непонятные балахоны... И шагают... странно. Как-то механически. Словно... роботы! Кто они? Что я тут делаю? На мне тоже какой-то... мешок с широкими рукавами! Где я его взял? Зачем я его надел? И когда? И что это за музыка тут играет? Откуда она?

Я вновь заозирался по сторонам.

Кого-то эти люди мне напоминают... Зомби? Или мертвецов? Точно! Духи мёртвых! Их так часто рисуют в аниме! Хм, а что я тогда делаю среди них? Мммм... В голову приходит только одно. То, что я умер. Но когда я успел это сделать? Я ведь вернулся в общагу, немного перекусил на ночь и лёг спать! С чего это мне вдруг умереть во сне? Молодой, ничего не пил. Сердце у меня нормальное... Та нее-е ж! Это сон! Это просто сон! Я сейчас лежу в своей постели, и мне снится что-то типа кошмара. Не фиг было бутерброды с колбасой на ночь жрать! Оп-ля! Я сплю и знаю, что я – сплю! Это же осознанное сновидение! Класс! У меня получилось!! Я уже и бросил этим заниматься, а тут наконец получилось! Ну, всё... Сейчас я оторвусь! Буду делать всё, что захочу! Так, что сделать первым? Трахнуть какую-нибудь звёздную красотку? Е-еее, точно! А кого? Ммм... Гермиону! Ес! Эмочка ничего так... кобылка выросла. Или, может, Джессика Альба? У неё, правда, наколки на руке стрёмные... Словно сидела... Зачем девки себя уродуют этими тату? Смотреть неприятно... Впрочем, дуры они и есть дуры... А может, ну их на фиг, этих баб? Успею. Друганам всё равно их не показывать, не похвастать, а тогда – зачем? Это же всего лишь сон. Что я, девок, что ли, не видел? Да полно. И со всеми одно и то же. Пять секунд удовольствия, а затем – пара месяцев «геморра» на всю голову! Беее, мее, феее... «Скажи, ты меня любишь?» Сопли, слёзы в три ручья и какие-то невнятные упрёки. На кой это нужно нормальному человеку? По-

трахались и разбежались, без всяких претензий. Вот это – нормальные отношения. Можно подумать, что секс только мне нужен. А они, мол, так прямо страдают и мучаются в процессе. Не... ну их в баню! Лучше я... полетаю! Сексом, без проблем, можно и в реале заняться, а вот полетать в нём не получится. Всё! Хочу летать!.. Хочу летать!.. Хм...? Не лечу... Почему? Может, осознанный сон это сон какой-нибудь повышенной реалистичности? И в нём нужно всё представлять подробно? Например – крылья для полёта... Ладно, попробую представить...

За моей спиной распахиваются могучие чёрные крылья... распахиваются могучие... Распахиваются... Распахиваются...

Ничего не распахивается! А почему? Может, поменять цвет?

...Распахиваются могучие белые крылья... Белые... Белые большие крылья!

Опять ничего! Только не говорите мне, что я должен их представить до последнего пёрышка, чтобы они появились! Это же сон! В нём должно быть всё просто! Может, крыльям мешают духи, бредущие мимо меня? Сон настолько реалистичен, что если нет места, чтобы распахнуть крылья – они не открываются. Если это так, то тогда нужно убрать духов? Ок, сейчас попробую.

– Все – исчезли! – отдаю я громким голосом приказ.

Эмоций – ноль! Как брели, шатаясь, мимо меня, так и про-

должают брести.

Что за чушь? Это же мой осознанный сон! Я могу делать в нём всё, что захочу! Почему они не пропали?

– Все исчезли! Исчезли – все! Пропали! Сгинули! Ну?!

Однако никто никуда не исчез и не сгинул.

Но почему? Как же так? Может, мне просто не хватает каких-то умений? Наверное, да. Ведь это у меня первый такой сон. Но если я ещё не научился управлять своим миром, то, по крайней мере, я могу управлять собой. Отойду в сторону и открою крылья там, где им не помешают. Точно! Так и сделаю!

Я сделал несколько шагов вперёд. Неожиданно возникло острое желание не идти дальше. Настолько сильное, что я просто замер на половине шага. Постоял несколько секунд, пытаюсь понять охватившие меня чувство и причину его возникновения. Ничего не понял и решил вернуться назад. Но не тут-то было! Что-то невидимое за моей спиной, податливое и упругое, словно плёнка, не пускало меня. Получалось, что идти можно только вперёд. Вперёд мне не хотелось, и я, потыкавшись, пошёл вправо, стараясь не сталкиваться с духами. Они хоть и придуманы мною во сне, но всё равно выглядят неприятно.

– Упссс... И тут «плёнка» какая-то...

Кисть правой руки упёрлась во что-то невидимое. То, что под рукою действительно что-то есть, показывает слабое голубое свечение вокруг растопыренных пальцев. Я немного

«попружинил» рукою туда-сюда, думая, что делать дальше.

Пройти за неё? Духов там нет, дальше – свободное пространство... Но зачем-то она же нужна, эта «плёнка»? Хмм...

Я сильнее надавил рукою. Рука прошла чуть дальше и остановилась, снова упёршись в невидимую преграду. Я надавил рядом второй рукой. Руки продвинулись ещё немного. Я навалился всем телом, упираясь ногами в поехавший под ними песок.

– Чпок!

По глазам резанула яркая вспышка, сопровождаемая звуком, как от лопнувшего пластикового пакета, и я, полетел вперёд, в неожиданную тьму...

* * *

Мрак... Тишина... Ни лучика света, ни звука, ни ползвук. Плюс полное отсутствие ощущения движения и понимания, где верх, где низ. Сколько я тут? Месяц, год, пять минут? Ощущение времени тоже потеряно. Какой жуткий сон! Я хочу проснуться! Я устал! Мне надоело! Это – неправильный сон! Во сне должно что-то происходить! А тут – одна сплошная чернота! Я так с ума могу сойти. Это же одна из самых садистских пыток – лишить человека ощущений!

Внезапно где-то далеко-далеко во мраке появилась светящаяся жёлтая точка. Медленно и неспешно она начала при-

ближаться ко мне, постепенно становясь всё ярче и увеличиваясь в размерах. Ближе, ближе, ещё ближе... Вот она уже совсем рядом! Раз! И я с удивлением вижу удивительную женщину со множеством рук, выходящих у неё откуда-то из-за её спины. Их так много, что они где-то вдали сливаются в одну сплошную массу, не позволяя различать их по отдельности. Хорошо видны только первые несколько пар из этого скопища. На ладони каждой из них чётко виден большой чёрный глаз. Причём все те руки, которые за спиною у женщины, – они не двигаются. Двигаются только самые первые, которые нормально растут у неё из плеч. Лицо незнакомки говорит о том, что родом она откуда-то из Азии. И всё у неё какое-то восточное. И фасон платья, и орнамент, вышитый на нём блестящими нитями, и украшенная жемчугом высокая шапка, чем-то напоминающая пагоду...

– «Здравствуй...» – неожиданно ласково улыбнувшись мне, произнесла она.

– «Здравствуй... те», – растерянно произнёс я, с удивлением её разглядывая.

Меня почему-то совершенно не испугало такое количество рук. Было только чувство искреннего удивления.

– «Вижу, ты – «выпал»?» – внимательно глядя на меня, спросила женщина.

– «Выпал? Откуда? А... ну да. Выпал...» – кивнув, согласился я, вспомнив свой полёт в темноту.

– «Значит, в мире у тебя остались очень важные дела. По-

хоже, тебе обязательно нужно исполнить свою пуруша-кара...»

– «...? Пуруша-кара? Что это?»

– «Пуруша-кара – это вторая часть кармы. У кармы есть две части – дайва, или «судьба», и пуруша-кара, или «человеческое действие». Первая часть связана с прошлыми поступками души, и её человек никак не может изменить. Вторая часть – пуруша-кара, это те поступки, которые человек совершает в своём текущем воплощении. Они влияют на будущие перерождения. Случается, что конкретное воплощение оказывается очень важным. Всего одна прожитая жизнь может надолго определить дальнейшую судьбу души. Продолжит ли она восхождение вверх либо вновь упадёт вниз, начиная с самого начала. Ты ушёл с «дороги мёртвых». Значит, твоя душа противится возвращению. Она хочет прожить воплощение. Видно – это очень важно для неё...»

– «Дорога мёртвых? Выходит, я – умер?»

– «Да. Ты – умер...»

– «Но... как же так? Почему? Я же спал. От чего мне было умирать?»

– «В подвале твоего дома произошёл взрыв. Дом рухнул. Тебя раздавило...»

«Сахар»! – разрядом молнии полыхнула в голове мысль. – Мешки с «сахаром»!

Перед моим внутренним взором встала картинка светло-жёлтых бумажных мешков с нанесённой на них через тра-

фарет чёрной краской словом «САХАР». Мешки таскали на своих спинах в подвал какие-то мужики, разгружая воняющий соляркой «КамАЗ».

Я же до этого никогда не видел сахара в бумажных мешках! Только в пластиковых или тряпочных! Это взрывчатку в бумажные мешки фасуют! Ах, я, пустоголовый дурак! Ещё ведь возникло ощущение, что что-то не так, когда мимо проходил! Ну и что, что там всегда оптовый склад был? Ещё мысль мелькнула – чего это, на ночь глядя, под окнами разгрузку устроили? Но не понял и пошёл спать. Поспал! Выспался! До упора! Блииин... Опять дома взялись взрывать? Ну, твари! Вешать их без суда и следствия! Своими руками бы задушил! Целая общага! Сколько народа... Это же сколько родителей без детей остались! Мама... Папа... Они же не переживут! Мама всегда говорила: «Я не переживу, если с тобою что-то случится». Вот и случилось... Эхххх... Но... может... это всё же – сон? Страшный, ужасный, но – сон? И я сейчас проснусь в своей кровати, комнате... И ничего этого не будет. Ни этого мрака. Ни этой многоручки... А, собственно, кто она такая?»

– «Простите, а вы – кто? Откуда вы всё знаете?»

– «Я – Гуань Инь. Та – которая наблюдает за миром. Та – которая прислушивается к звукам мира...»

– «Эээ... Очень... приятно... Здравствуйте!»

Ну, точно – сон! Я же смотрел сегодня в кинозале лекцию о Гуань Инь! А «дорога мёртвых» – это из какого-то аниме

приснилась. А про взорванные дома – это из старых новостей по телеку. Просто мозг мешает всё в одну кучу, вот всякая белиберда и снится! Ура!! Это всего лишь сон!! Фух...

– «Вижу, что моё имя для тебя ничего не значит?»

– «Почему же? Я слышал легенду о вас. Но, разве боги... существуют?»

Может, если я начну противоречить, сон закончится?

– «Я знаю, что в вашем мире вы ни во что не верите, поэтому я не огорчаюсь...»

– «...нашем? Мире?»

– «Да. Миров – тысячи. И ты можешь воплотиться в одном из них, чтобы твоя душа смогла закончить начатое...»

– «Ух ты! А с магией миры – есть?!»

– «Есть. Но сейчас тебе открыта дорога только в один. Почти такой же, как и твой...»

– «Нуууу... Это неинтересно! Мне бы что-нибудь такое, как... как в какой-нибудь онлайн-игрушке! С магами, баферами, крафтерами! Где много всяких рас».

– «Тогда – ты остаёшься тут? Я – богиня милосердия. Когда-то, давным-давно, я остановилась на пороге небесного царства, услышав плач мира. Я вернулась и дала обет – спасти всех детей бога. С тех пор я следую ему, помогая нуждающимся во всех мирах. Но я никогда не заставляю принимать мою помощь. Нет? Значит, нет. Такова судьба...»

– «Нет, что вы?! Я не отказываюсь! Просто я хотел... выбрать что-нибудь... получше... Коль есть такая... возмож-

ность».

– «Ну, раз так, тогда – пойдём? Я помогу тебе...»

Что мне делать? Наверное, нужно идти. Сидеть в темноте, пока не проснусь – совсем «не комильфо». И потом. Это же всего лишь сон! Я всё равно проснусь. А там, может, что-то интересное будет...

– «Спасибо! Куда идти?»

Внезапно всё вокруг осветилось фиолетовым сиянием, а потом, через несколько секунд, в глаза мне ударил дневной свет.

Щурясь, я оглядываюсь по сторонам.

Похоже на больничную палату... Операционная или... реанимационная? Смотрю откуда-то сверху на то, как четверо медиков в светло-зелёной одежде и белых марлевых повязках на лицах борются за чью-то жизнь. Самого пострадавшего не видно из-за их склонившихся спин, а его лицо почти полностью скрыто кислородной маской. В палате громко и противно пищит медицинский прибор, рисуя на своём экране две непрерывные линии.

– Три минуты остановки сердца! – напряжённым голосом громко сообщает один из врачей, бросив взгляд на его экран.

– Продолжаем реанимацию! – приказывает другой, видимо, главный в команде реаниматологов. – Дефибриллятор готов?

– Готов! – отвечает ему ещё один врач, держа за пластиковые ручки контакты разрядника.

– Давай!

– Готовимся к разряду! Убрали руки! Внимание, разряд!

– Ду-тух!

Тело на каталке выгибается дугой и падает назад.

– ... Бип!.. Пиинииииииииииииии...

– Нет сокращений!

Прибор, нарисовав на экране двойной всплеск, продолжает противно пищать, таща по нему безнадёжные прямые.

– Массаж сердца!

Один из врачей, уперев ладони в грудь умирающего, снова начинает делать ритмичные толчки, наваливаясь телом.

Похоже, дела тут плохи...

– «Вот. Твоё новое тело...»

– «Что-о?»

– «Тело. Душа его покинула, и оно свободно. Можешь его занять...»

– «Пффф... Но это же – почти труп!? Я не хочу быть инвалидом! Что с ним вообще случилось?»

– «Сбили на дороге. Из повреждений – всего лишь удар головой. Не беспокойся. Воплотившись, ты станешь совершенно здоров. Будешь всё прекрасно помнить из прежней жизни. Я позабочусь о том, чтобы твоя голова была в полном порядке...»

– «Н-нда...?»

– Четыре минуты! Внимание, разряд!

– Ду-тух!

– ... Бип!..... Пиинииииииииииииии...

– Нет сокращений!

– Массаж!

– «Так что ты решил?»

– «Всё так... неожиданно... и очень... странно... Очень».

– Пять минут!

– Два кубика бикарбоната натрия внутривенно!

– Есть!

– Разряд!

– Ду-тух!

– ...Бип!..... Пиинииииииииииииии...

– Нет сокращений!

– «Решай быстрее. Время властвует над всем. Твоё время

– это время этих людей. Пока они борются за чужую жизнь, у тебя есть возможность воплощения. Как только они сдадутся, тело умрет, и ты вернёшься назад, во тьму. Будешь ждать следующей возможности исполнить свою пуруша-кара...»

– «И как долго мне придётся ждать?»

– «Не могу сказать. Может, день, а может, тысячу лет. Не знаю. Лишь твоя судьба знает об этом...»

– «Тысячу? А сколько я там пробыл? Год?»

– «Ты был там два ваших часа...»

Всего-то? А я думал – вечность прошла! Не, назад – не хочу! Тысячу лет?! Да я там через день с ума сойду!

– Шесть минут!

– Разряд!

– Ду-тух!

– ...Бип!..... Пиинииинииинииинии...

– Нет сокращений!

– Эпинефрин – 5 миллиграммов! Массаж!!

– «А какой у меня тут будет – скилл?»

– «Что, прости?»

– Семь минут! Критическое время остановки сердца!

– Продолжаем реанимацию!

– Есть!

– «Умение. Бонус. Какой вы мне дадите бонус?»

– «Я должна тебе дать бонус?»

– «Да. Всегда, когда бог или богиня отправляет своего избранника в другой мир, они дают ему какие-нибудь уникальные умения. Например, виртуозное владение клинком или потрясающие способности к магии... Во всех книгах и фильмах – все боги так поступают!»

– Восемь минут!

– Разряд!

– Ду-тух!

– ...Бип!..... Пиинииинииинииинии...

– Нет сокращений!

– Массаж!!

– «Ты оказался в беде. Я помогаю тебе, ничего не прося взамен, а ты ещё требуешь с меня даров? Не кажется ли тебе, что это – наглость?»

– «Но я же без них не выживу! В чужом и враждебном

мире! Без умений! Смысл тогда – посылать, если я там сдохну? Обязательно нужно что-то, что поможет мне. Хотя бы на первых порах!»

– «...Не настолько уж он и враждебен, этот твой новый мир... Он очень похож на твой. Поэтому тебе будет несложно начать в нём новую жизнь. Но, да, действительно, может прийти нелегко... Особенно, как ты сказал – «на первых порах». Ладно, хорошо. Что бы ты хотел получить?»

– «Секундочку! Дайте подумать. Если этот мир похож на мой... То я хотел бы получить... Хотел бы получить... Талант к деньгам! Или, если сказать по-другому, умение их зарабатывать!»

– «Деньги, деньги, деньги... В вашем мире одни лишь деньги кругом...»

– «А что, разве здесь не так? Он же «очень похож»?»

– «Любовь тебя не интересует?»

– «Да ну! Любовь можно найти всегда. Были бы деньги. Будут деньги, будет и любовь».

– Девять минут!

– Два кубика адреналина в сердечную мышцу!

– Бессмысленно! Такого не делают уже во всём мире!

– Вы слышали, что я сказал?! Укол адреналина в сердце!!

Выполнять!!

– «Ты сам не знаешь, от чего отказываешься. Хватаешься за позолоченную побрякушку, отбрасывая в сторону истинную драгоценность. Но – нет, значит – нет. Я не бог торговли

и не могу дать того, что ты просишь... Однако взамен могу предложить тебе... вот это...»

– «Что это?» – с удивлением спросил я, глядя на светящийся тёплым жёлтым светом шарик, внезапно появившийся на раскрытой ладони богини.

– «Это – «природная красота». Человек с таким даром всегда будет красив, молод, здоров и будет нравиться людям...»

– «Да-а? Красота? А на кой... она мне? Как я ею зарабатываю? Как она меня защитит, если что?»

– «Придумаешь...»

– «Ну, я, право слово... даже и не знаю...»

– «Другого – ничего не будет. Хочешь – бери, хочешь – нет. Времени на разговоры у тебя почти не осталось. Что ты решил с воплощением?»

Я посмотрел на Гуань Инь, прикидывая, что мне делать. Красота выглядит абсолютно беспонтовым скиллом. И что? Брать? Зачем? Чтобы быть «красивым мальчиком»? Я пусть и не Брюс Уиллис, но вполне себе достаточно брутален. На кой мне это? Девоч, что ли, много будет? Да их и так много будет, купюрами только пошелести. У последнего урода с деньгами тёлочек на два порядка больше, чем у распервейшего красавца. Как показывает практика, с течением времени девочки мигрируют от эстетических красот к красотам материальным. Сваливают туда, где кормят, поят, одевают и развлекают. И потом ещё бабла на карман дают. Никакая кра-

сота не устоит против набитого кошелька. Впрочем?.. Чего я тут раздумываю? Это же – сон! Нужно брать всё, что дают! Хуже не будет! Я беру – и перехожу на новый уровень. Не беру – возвращаюсь назад, в темноту...

– «Согласен! – сказал я. – На «воплощение» и на «красоту». На всё – согласен!»

– «Да, значит – да...»

– Десять минут остановки сердца!

– Внимание! Укол адреналина в сердечную мышцу!..

Есть!

– Дефибриллятор! Отошли! Разряд!

– Ду-тух!

– ...Бип!..... Бип!..

Бип!.. Бип!..

– Сокращения на мониторе!! Есть сокращения!! Есть устойчивые сокращения!! Оно бьётся!! Бьётся!!

– «Мой дар...»

Яркая звёздочка слетает с ладони богини и гаснет, исчезнув в накрытом наполовину простынёй теле.

– «Прощай... Надеюсь, моя помощь будет для тебя не напрасной...»

Внезапно свет начинает меркнуть в моих глазах. Становится всё темнее и темнее, а на плечи навалилась страшная тяжесть. Голоса медиков отдаляются и звучат как-то глухо, словно «из бочки». Стены и пол вдруг неприятно закачались, идя какими-то загогулистыми волнами.

– Капельницу... – откуда-то из далёкого далёка доносится усталый голос врача, – ставьте капельницу... Кислород не отключайте... Фуууухх... Ну, девочка, и напугала же ты нас...
«Девочка? Какая девочка?»

И тут свет в моих глазах окончательно меркнет.

* * *

Богиня задумчиво смотрит на новоявленного попаданца.
«Я не успела ему сказать, что мой дар проявится не сразу... – подумала она, – ...и ещё о том, что он делает человека талантливым во всём, в чём он будет искренне стараться преуспеть. Что ж? Придётся ему жить, не зная об этом. Меньше нужно было о деньгах болтать. А теперь – поздно. Пусть его душа отныне сама ищет свой путь...»

* * *

– Доктор, доктор! Что с моей дочерью?! Что с ней случилось? Мне позвонили и сказали, что она в этой больнице! Скорее скажите, что с ней произошло?!

– Как зовут вашу дочь, нунним? (*Нунним – уважительное обращение к женщине в Корее. – Прим. автора.*)

– Пак Юн Ми!

– А... да. Ваша дочь сейчас в реанимации, нунним.

– Что с ней?!

– Не беспокойтесь, она жива, и её жизнь находится вне опасности. Девушка была доставлена к нам с черепно-мозговой травмой, полученной в автомобильной аварии...

– Авария?!

– Да, нунним. Автомобильная авария. В заявке на выезд «Скорой помощи» указано, что легковая автомашина сбила скутер, которым управляла ваша дочь. Никаких повреждений, кроме травмы головы, она не получила. Однако, судя по сделанному рентгеновскому снимку, имеется обширное кровоизлияние в мозг. Сейчас ваша дочь находится в реанимации. Она подключена к системе обеспечения жизнедеятельности.

– К системе? Почему? Всё так плохо?

– Простите, нунним, но я не знаю вашего имени...

– Пак Дже Мин... Меня зовут Пак Дже Мин!

– Дже Мин-сии... (*Сии – уважительная приставка к имени. Она создает официальную обстановку и подчеркивает, что говорящий не знает слушающего, дистанцируется от него и старается быть нейтрально вежливым. – Прим. автора.*)

... – Есть ещё одна плохая новость. У вашей дочери была остановка сердца. К счастью, мы смогли её реанимировать. Но сейчас она находится без сознания и ей производится искусственная вентиляция лёгких.

– Кк... как... – остановка сердца?!

- К сожалению, при травмах головы это иногда случается. Поэтому очень важно ездить на дороге в шлеме.
- Но она всегда ездила в шлеме!
- Похоже, в этот раз она была без него...
- Юн Ми всегда надевала шлем!
- В шлеме получить такую травму невозможно. Но давайте не будем об этом спорить, Дже Мин-сии. Сейчас уже неважно, не надела она его или надела, но забыла застегнуть... Это уже прошлое. А в настоящем она больна, и мы её должны вылечить. Пойдёмте со мною, Дже Мин-сии. Нам с вами нужно будет поговорить о дальнейшем лечении вашей дочери. Если вы, конечно, сейчас в состоянии об этом говорить.
- Доктор, я хочу видеть свою дочь!
- К сожалению, я буду вынужден вам отказать. Посторонним доступ в реанимацию запрещён.
- А когда я смогу её увидеть?
- Думаю, что не раньше следующего дня. Если эта ночь пройдёт спокойно, то завтра к обеду мы её переведем в обычное отделение. Тогда вы сможете быть рядом с ней.
- Так долго ждать...
- Дже Мин-сии, уже поздно... Думаю, вам стоит вернуться домой и отдохнуть. Ничем помочь вы тут не сможете. У вас есть кому заехать за вами?
- Старшая дочь... Мне нужно будет ей позвонить... Нет, доктор, я останусь тут!

– Как пожелаете, нунним. Тогда лечение Юн Ми вы обсудите тоже завтра с другим врачом. Думаю, это будет даже правильнее, так как динамика изменения состояния пациента к завтрашнему дню станет более понятной... Прошу прощения, но меня ждут пациенты.

– Да, конечно. Большое спасибо, доктор...

* * *

Открываю глаза. День. Свет. В теле – полная опустошённость. Ни намёка на каплю силы даже на то, чтобы хотя бы просто пошевелиться. Ощущение чего-то инородного и неприятного в левой руке. Скашиваю глаза и чуть напрягаюсь, фокусируя зрение. Вижу, что из-под белой повязки на моём локте наверх, к прозрачному квадратному пакетику с жидкостью, уходит прозрачная трубочка, по которой что-то неторопливо капает. Некоторое время просто смотрю на падающие капли, без единой мысли в голове.

«Капельница...» – всплывает слово в мозгу.

Я – в больнице? Да, похоже... Почему? Не помню... Что-то не так... Что-то меня беспокоит... Что? Какое-то... слово... Какое?

Голова пустая и звонкая, как колокол. Опускаю глаза вниз.

Странная у меня рука... Отчего она вдруг такая – тонкая? А это точно моя рука?

Внезапно в поле зрения появляется девушка в белом медицинском халате, прижимающая обеими руками к своей груди что-то, издали похожее на планшет. Она ласково улыбается, кивает, смотря на меня, и что-то мне говорит. Судя по интонации – спрашивает. Молча, бездумно смотрю на неё, не понимая ни слова из того, что она произносит.

Казашка какая-то, – наконец формирую я своё мнение о ней и о её внешности, – не соображает, что нужно говорить по-русски... Понабрали тут...

Девушка продолжает говорить мне что-то успокаивающим тоном. Внезапно на меня наваливается дикая усталость. Веки мои закрываются, и я засыпаю...

* * *

– Добрый день, уважаемая Дже Мин-сии! Я назначен лечащим врачом вашей дочери. Я окончил Сеульский университет и пять лет проходил стажировку в Соединённых Штатах. Зовут меня Пак Чун Сон.

– Здравствуйте, Пак Чун Сон-ним! *(Суффикс «ним» может прикрепляться к личному имени или титулу, должности и делает обращение более вежливым. – Прим. автора.)*

– Что с моей дочерью? Ей лучше?

– Эээ, Дже Мин-сии, давайте я расскажу вам с самого начала, чтобы последовательность событий была ясной и понятной. Итак, вашу дочь привезли к нам вчера вечером,

без сознания, после того, как её скутер сбила машина. При осмотре у пострадавшей была обнаружена травма головы. Сделанный рентген не выявил трещин и переломов костей черепа, но на снимке было большое затемнение, что указывало на наличие в её мозге гематомы. Девочке были введены препараты, рекомендованные в таких случаях, и она была помещена в реанимацию, так как она не приходила в сознание. Внезапно, без каких-либо предварительных симптомов, у неё произошла остановка сердца. К счастью, наши реаниматологи сумели его снова запустить. Но это удалось сделать лишь на одиннадцатой минуте...

– Доктор, вы говорите таким тоном, что мне становится страшно! Это что-то очень плохое?

– Понимаете, нунним... В современной медицине семь минут остановки сердца считается крайним сроком, которое может пройти для организма, условно – без последствий. Каждая лишняя минута после этого времени многократно повышает риск последующих осложнений. Кроме этого, из-за плохого кровоснабжения в момент остановки сердца может пострадать мозг... Визуально впоследствии это может проявиться в виде нарушения речевой и двигательной активности, потери памяти, нарушений мыслительной деятельности. Остановка сердца в десять с лишним минут... это очень большой срок, Дже Мин-сии.

– Неужели это всё с ней случится? Что же теперь делать, доктор?

– С утра мы успели провести некоторые исследования, и у меня есть для вас хорошие новости. Результаты томографии показывают, что сердце вашей дочери здорово. Это удивительно, но никаких нарушений в его работе нет. Гематома в её мозгу тоже оказалась очень небольшой. Совсем не такого размера, как можно было бы подумать, глядя на рентгеновский снимок. Единственное – нехорошо то, что располагается она в мозгу в области гиппокампа. Хотя учёным до сих пор не удалось установить, где именно у человека в голове находится память, однако с точкой зрения о том, что гиппокамп связан с функциями памяти, согласны очень многие исследователи. При его поражении возникает заболевание, при котором больной, при сравнительной сохранности следов долговременной памяти, утрачивает память на текущие события. Так как я уже сказал, что этот участок мозга у неё травмирован, то вполне возможно, что у Юн Ми могут возникнуть проблемы с кратковременной памятью. Однако окончательно говорить сейчас об этом пока рано. Следует дождаться полного исчезновения гематомы. Только тогда можно будет поставить окончательный диагноз. Мы будем давать Юн Ми укрепляющие память препараты и всё, что положено в таких случаях для ускорения рассасывания гематомы. Но, по моим прогнозам, её исчезновение следует ждать не раньше чем через неделю. Всё это время вашей дочери придётся провести в больнице. Кроме этого, придётся – и, пожалуй, несколько раз – провести томографические

исследования для наблюдения за процессом рассасывания кровяного сгустка. Ещё будут нужны периодические анализы крови. Также понадобятся лекарственные препараты. Всё это делает лечение весьма дорогостоящим. Примерно это может обойтись в десять миллионов вон. Вы сможете оплатить такую сумму?

– ... Да, я оплачу.

– Хорошо. Тогда я подготовлю документы, и мы продолжим лечение.

– Доктор... Но она... выздоровеет? Ведь с ней всё будет хорошо? Правда?

– Дже Мин-сии, мы сделаем всё, чтобы с вашей дочерью было всё в порядке. Я вам обещаю это.

– Спасибо, доктор...

* * *

Открываю глаза. Опять день. Опять свет. Опять люди. Снова какие-то казашки... В этот раз – две. Пожилая женщина и молодая девушка. Они плачут, вытирая платочками свои глаза и щёки, и что-то наперебой мне говорят, периодически произнося одни и те же слова – юн ми, юн ми!

Я с недоумением смотрю на них. Почему они плачут? Что значит это ихнее – юн ми? Что они говорят? На каком языке? Кто они вообще такие? Где мои родители? Если я в больнице – мама с папой обязательно должны прийти! Ничего не

понимаю... Бред какой-то... И минуты не прошло, а я уже так устал от их шума...

Продолжая смотреть на этих странных женщин, несколько раз медленно моргаю. Мои веки опускаются всё ниже... ниже... ниже... Закрываются... И всё уходит, исчезая из моих глаз. Я проваливаюсь в сон.

Шкурка третья

Лежу в больничной кровати. На спине. Тупо смотрю прямо над собою. В потолок. Он тут навесной. Белые квадраты, разделённые полосками кремового цвета. Такой же, как делают на моей Земле... Моей Земле... Дома... От тоски натурально хочется выть. Я один, в чужом мире и вокруг – чужие люди! Мама, папа... Неужели я их никогда больше не увижу? Не открою дверь нашей квартиры своим ключом, не зайду в свою комнату... Не пойду на занятия в институт... Не поеду с парнями гонять на байке... И музон играть они теперь будут без меня... Когда я начинаю думать об этом, на глазах буквально слёзы наворачиваются. Но мужчины не плачут! Мужчины страдают молча. А поводов для страдания у меня сейчас больше чем достаточно. Сначала я всё надеялся проснуться. Думал, «вот сейчас засну, а проснусь уже у себя в общежитии, а не в этой дурацкой больнице...» Но время всё шло и шло, шло и шло, а я «не просыпался». И как-то стали у меня закрадываться сомнения – а сон ли это? Уж очень было всё реальным. Ощущения от прикосновения к постельному белью, боль от уколов, горечь во рту от принимаемых лекарств... Никто, как это иногда бывает во сне, не возникает откуда ни возьмись и не исчезает непонятно куда... Первое время, как я попал сюда, я почти всё время спал и как-то особо не придавал значения всем этим фактам. Но

потом стал спать меньше, и вот тут-то у меня и появились подозрения, что что-то тут не так. Складывается такое впечатление, что я, похоже, как бы и не сплю вовсе! И всё это, что вокруг меня – на самом деле! А потом я ещё выяснил, что я – ДЕВУШКА! Полез рукою, почесать, а там – хоп! НЕТУ!! НЕТУ, И ВСЁ!! Я сначала перепугался. Решил – врачи по ошибке отрезали!! Кинулся смотреть – посмотрел и... Ну не знаю, какое слово способно передать мои чувства! Тут мало и тысячи слов! Да что там тысячи, миллиона мало! Миллиона миллионов слов мало!

Эмоции у меня в тот миг были такие, что медицинский аппарат, к которому я подключен, завыл и зазвенел, призывая: «Христа ради, спасите его!» Прибежала дежурная медсестра, прибежал дежурный врач. Увидели «переклинившего» меня. Сделали укол. Вкатали, похоже, изрядную дозу успокоительного. Потому что буквально секунд через десять после укола я отрубился. Не знаю, сколько я после этого проспал, но вот проснулся, лежу, смотрю в потолок. Голова – пустая-пустая. Как воздушный шарик. Мысли в ней – редкие-редкие... Как автобусы после девяти вечера...

Конечно же, придя в себя, я снова ВСЁ проверил. Результат – тот же! Нету! Того, что было, – нету! А того, чего не было, есть! Ощупал всего себя. Обнаружил – грудь! Женскую! Небольшую, размера эдак, наверное, начала первого. Спасибо, что не пятого... Но всё равно! Это – не моё! Всё – не моё! Тело – чужое!

Шаблон моего разума разорван в клочья, мозги – набекрень, организм – в прострации... Пытаюсь собрать всё в «кучку» и найти какие-то логические опоры в окружающем кошмаре. Впрочем, Гуань Инь говорила, что у меня будет другое тело... Но я же думал, что это – сон! И она ведь ни полслова мне подробностей не сказала! Сказала лишь, вот, мол, «свободно» – занимай! А я и не видел из-за спин врачей, кто там лежит. Если бы я знал, что тело женское, я бы и не согласился! Даже во сне. Лучше в темноте с ума сойти... Говорят, сумасшедшие самые счастливые люди. Живут себе в своём придуманном мире, и ничего их не колышет. А тут... А если меня вдруг кто трахнет? Маньяк какой-нибудь. Их же сейчас кругом как грязи. Что я тогда делать буду? Повешусь?.. Не, сначала я эту тварь поймаю и зарежу! И отрежу! Отрежу и зарежу! Стоп-стоп-стоп! Я сейчас размышляю так, словно всё, что вокруг меня – реальность и я с этим согласен! Но так ли это? Голова просто кругом идёт... Нет, мне нужно конкретно определиться – сон это или не сон? Иначе я с ума сойду. Если не сон, то тогда... значит... были и «дорога мёртвых», и тьма, и мой разговор с Гуань Инь. И где-то там, теперь на далёкой-далёкой Земле, лежит грудой красного битого кирпича и серых ломаных перекрытий, с торчащей во все стороны ржавой арматурой, моя родная общага... И я действительно умер, и это действительно – другой мир, и это действительно – чужое тело!

Бррр...! Как такое принять? Представишь – жалко-жалко

себя становится. И родителей жалко... И общагу с ребятами жалко... Однако, если я проснусь, то все окажутся живы и никто не умрёт! Но вот только я всё никак не просыпаюсь! И зад от уколов болит... Разве может во сне задница болеть? Значит, это не сон? Но такого просто не может быть! Не может – и всё! Хотя... Я же читал, что люди в состоянии клинической смерти видят происходящее со своим телом как бы со стороны. И ещё туннель, по которому они потом летят. А те, кто заглядывает за его конец, видят умерших родственников. Наука что-то там говорит о галлюцинациях мозга, лишённого кислорода. Но все её доказательства какие-то вялодоказуемые... Если же подумать о том, что много разных, незнакомых между собою людей видели в одинаковой ситуации одно и то же... То тогда можно, в общем-то, согласиться с тем, что да, «что-то там такое, похоже, есть». Но коли есть душа, которая куда-то перемещается, то почему тогда не может быть и «всего остального»? Богов, чертей, ангелов? Если сказал «А», говори тогда и «Б»! Выходит, Гуань Инь – существует? И она помогла моей душе, желая ей добра? Но кто я такой, чтобы целая богиня вдруг мне помогала? Неужели заштампованная во всех кинофильмах и книгах болтовня о ценности души – это правда? А в чём тогда прикол – впихнуть меня в женское тело? Это что, шутка такая остроумная, что ли? Спасительница – пошутила? Если да, то это самая что ни на есть дурацкая шутка, а сама она – идиотка тупая! Как можно дать парню женское тело? Что в этом может быть

смешного? Смотреть, как он страдает? Она что, садистка? Почему нельзя было дать мне тело, соответствующее моей душе? На кой эти выверты? Как я буду теперь жить? Быть девчонкой – стрёмно. Они на голову... слабые. Сколько с девушками ни общался, одни «чуЙства» на уме. Всю карьеру легко готовы строить через постель. Пффф... Потом, у них эти, ежемесячные... бееее... Значит, я теперь тоже буду ежемесячно – бееее...? Тьфу! Ну почему это случилось со мною? За что? Что, я такой адский грешник, что ли? Хуже – только Гитлер? Гуань Инь говорила про карму... Может, это мне какая-нибудь «отработка»? В гробу я видал такие «отработки»! Но что же мне теперь делать? Что мне делать?! Что мне делать??!! ЧТОЖЕДЕЛАТЬМНЕЕЕЕЕЕ?! Стоп! Я спокоен, я абсолютно спокоен... Не нужно волноваться. А то опять начнёт всё звенеть, визжать, грохотать. Опять прибегут, колоть будут. И так уже искололи всего... И задницу, и руки, вон, всё...

Я поднял вверх левую руку, чтобы посмотреть на вены, забыв, что на локте повязка и я ничего не увижу.

Чёрт, какая тонкая, – подумал я, глядя на свою конечность, – сколько же мне теперь лет? Дома мне было почти двадцать два, а тут? Только, ради бога, не говорите, что мне тринадцать лет, и мой круг общения – шестой класс! Я же сдохнууу...

– Юн Ми! Ты проснулась? Уже зарядку делаешь?! Какая ты молодчина! – неожиданно раздался радостный голос от

двери. – Как ты себя чувствуешь?

С хлопком роняю поднятую руку на постель и смотрю в направлении голоса. А-аа, это та самая казашка, которую я уже видел!

Внимательно присматриваюсь к ней. Невысокая. Тёмные глаза. Чёрные короткие волосы. Приятная, располагающая улыбка. Но на лицо совсем не красавица. Фигура – непропорциональная. Короткие ноги и излишне широкие бёдра. Одета в светло-синие линялые джинсы и белую, с разноцветными пятнами рубаху навывпуск, с большим открытым воротом. На ногах – «танкетки» на высокой платформе из «пробки». На правом запястье – неширокие пластмассовые браслеты: синий, желтый и красный. На шее – большие красные бусы. Тоже, похоже, пластиковые. Молодёжно и недорого. В левой руке девушка держит за ручки белый пластиковый пакет с какой-то надписью красными иероглифами. На её правом плече – ремешок маленькой жёлтой сумочки.

Никакая она не казашка... Она – КОРЕЯНКА!! Почему?! Да потому, что она говорит на корейском языке!!

Я вдруг понимаю, что понял, что она сказала. И на каком языке. И от этого понимания в моей голове суматошно заскакали мысли.

Выходит, что я нахожусь в Корее?! Почему не в России? Это с чем-то связано? С чем? С тем, что Гуань Инь из восточного пантеона богов? Или потому, что я изучал восточные языки? Так, ладно. Обдумаю это чуть позже. Мне нужно

что-то ответить. Собеседница ждёт.

– Э... добрый день... – несколько растерянно отвечаю я.

Мой голос звучит для меня хрипло и странно. Наверное, потому, что я его впервые слышу.

– Ой, Юн Ми, ты заговорила! Заговорила! – радостно завизжала девушка, уронив пакет, запрыгав на месте и захлопав в ладоши. – Заговорила! Ты – поправилась!

Не обращая внимания на упавшее на пол, она бегом кинулась к кровати, на которой я лежал, и, плюхнувшись на её край, быстро заговорила, близко наклонившись ко мне.

– Ой, Юн Ми! Я так рада, что ты наконец начала поправляться! Я так рада! А как мама будет рада! Она так переживает за тебя! Только о тебе и говорит. Ей так тяжело! И подружка твоя про тебя тоже спрашивала! Я сегодня обязательно ей позвоню! Скажу, что ты – начала разговаривать!

Под напором обрушившихся на меня слов я вжался в кровать, попытавшись безуспешно отодвинуться от незнакомки подальше. А вдруг у неё не все дома? Хотя у неё с головою как раз-то наверняка всё в порядке. Это я тут без пяти минут сумасшедший...

Она называет меня Юн Ми, – торопливо соображаю я, – похоже, что это имя умершей девушки. Но... кто она ей такая? Сестра? Скорей всего, да. Ну, а если вдруг нет? Мало ли... Что делать? Сказать, что я её не знаю и вообще я не Юн Ми, а Сергей Юркин «из соседнего мира»? Да? И что тогда будет в этом случае? А в этом случае по мне, как пить дать,

«дурка заплачет». Девочка головой ударилась, никого и ничего вокруг не узнаёт и ещё утверждает, что она – «мальчик внутри»... Куда такую девочку отправят лечиться, а? Понятно, куда... А в «дурке», говорят, «клиентов» током лечат, для ускорения «осознания»! Неужели я сюда попал, чтобы угодить в дурдом? Не-е. Так не пойдёт! Но как же мне тогда поступить? Молчать? И долго я смогу это делать? Тем более, уже рот открыл – показал, что могу говорить... Эх, не стоило торопиться! Помалкивать нужно было! Но кто ж знал-то?! Теперь мне остаётся только одно – выдать себя за умершую. Другого варианта не вижу. Но как я смогу это сделать? Похоже, что никакой памяти от Юн Ми мне не осталось. Я ничего не помню, ни про её семью, ни про неё саму... Вообще, про жизнь тут – ничего не помню! О! А это выход! Не помню! Я ведь головой ударился! Буду симулировать амнезию! Примитивно и затасканно, но что ещё можно придумать? У меня в голове только то, что помню я. Больше ни бум-бум! Нужно только как-то сказать о моей потере памяти...

– Эээ... прости, – говорю я, воспользовавшись тем, что девушка сделала паузу, чтобы набрать воздуха, – я почему-то ничего не помню... Ты – кто? Как тебя зовут?

И смотрю на неё, стараясь сделать как можно более непонимающее выражение на лице. Радостная улыбка на лице девушки враз погасла.

– Юн Ми, ты ничего не помнишь? – удивлённо глядя на меня, спросила она.

Сделав паузу, так, словно в этот момент я старался хоть что-то вспомнить, я молча медленно покрутил головой в разные стороны.

– Совсем-совсем ничего?

Я опять отрицательно помотал головой.

– Да. Ты с самого начала, когда только открыла глаза, смотрела на нас так, словно видишь впервые, – глубоко вздохнув, с болью в голосе произнесла девушка. – Доктор сказал, что такое может быть. У тебя в голове – кровоизлияние. В том месте, где, как думают учёные, находится память. Но он сказал, что это пройдёт. Нужно подождать, пока рассосётся гематома. И память к тебе вернётся. Не волнуйся, Юн Ми. У тебя очень хороший доктор. Он сказал, что ты обязательно выздоровеешь. Видишь – ты уже разговаривать начала! Значит, идёшь на поправку. Всё будет хорошо! И ты снова...

Хорошо? Мне бы твоего оптимизма... О! Минуточку! Что я слышу? Так мне местный доктор официально амнезию «прописал»? Спасибо, доктор! Мне ваш диагноз очень кстати! Можно тогда и не шифроваться.

– Как меня зовут? – требовательно спрашиваю я, невежливо перебив собеседницу.

– Тебя? – растерянно переспрашивает она, чуть отодвинувшись и с некоторым испугом глядя на меня. – Тебя... Юн Ми. Пак Юн Ми...

Ага! Значит, я не ошибся, предположив, что Юн Ми – имя

умершей девушки. Если вспомнить то, что я знаю о корейских именах, то Пак – это фамилия, а Юн Ми собственно имя...

– А тебя?

– Меня? Меня – Пак Сун Ок...

– Ты... кто мне?

– Я? Я твоя старшая сестра...

– А-а... Ага. А сколько мне лет?

– Девятнадцать...

Блии-ин! Ну ладно, хоть не шестнадцать! И на этом спасибо. Хорошо, продолжаем разговор. Что бы ещё спросить? Нужно столько узнать, а мыслей почему-то нет... Голова – как ватой набита... Лекарство, что ли, всё ещё действует? Хотя, есть у меня вопрос! Точнее – идея! Помню, что когда я занимался «осознанными сновидениями», в одной из книг я прочёл рекомендацию – «Как выйти из нежелательного сна?» Так вот в ней предлагалось разыскать во сне зеркало и посмотреться в него. Утверждалось, что после этого «сновидец» обязательно должен будет проснуться.

Вот сейчас окончательно и проверим, подумал я, сон это или не сон? Если уж и после этого не проснусь, то всё... Крандец! Не сплю!

– Сун Ок, у тебя есть... зеркальце?

Должно быть! У всякой девушки должно быть с собою зеркальце!

– Да, есть.

– Дай!

Сун Ок полезла в сумочку и вытащила небольшую красную коробочку – пудреницу.

– У тебя сейчас синяки под глазами, – с жалостью глядя на меня, честно предупредила она, со щелчком откидывая крышку.

Синяки – это не то, о чём мне сейчас стоит переживать, – с волнением подумал я, беря из её рук зеркальце и пытаюсь разглядеть своё отражение.

«!!!! – пару секунд спустя сформировал я в голове непечатную фразу, – это не сон!! Я – не проснулся!! Это – реальность! Я – умер и переселился в женское тело! Но какого фака, Гуань Инь, нужно было засовывать меня ещё и в тело уродины? Это же просто %%%%% какой-то! Страшила! Мазафака!! За что?!»

И мне опять резко поплохело. Рука, держащая пудреницу, упала на постель, пудреница, стуча и кувыркаясь, полетела по полу, а медицинский аппарат радостно зазвенел-заулюлюкал, зовя дежурную сделать мне ещё укольчик. А я – отключился...

* * *

Смотрю в большое зеркало, в котором в полный рост отражается невысокая девочка в ярко-жёлтой фланелевой пижаме и розовых тапочках с пушистыми помпончиками. У

девочки – узкие «азиатские» глаза, выступающие скулы и тяжёлый, квадратной формы подбородок. Ещё есть: широкий приплюснутый нос, брови, задранные вверх, словно у Пьеро, короткие, полненькие ноги и слабый намёк в середине прямоугольного туловища на талию. В общем, просто ахтунг, какая красавица, с лицом, сильно похожим на лицо парня. Ещё она – лысая. Обрили, когда лепили ей на голову датчики для измерения уровня биотоков мозга. Если я поднимаю руку, то отражение лысого чучела поднимает в ответ ту же руку. Отставляю ногу – оно тоже делает движение ногой. Морщю нос – отражение вновь повторяет мою гримасу. Это моё новое тело. Эта уродина теперь, типа, отныне такой я. По несколько раз в день подхожу к зеркалу в холле возле лифтов, смотрю в него и каждый раз отказываюсь верить своим глазам! Ну не может быть такого! Не мо-же-т! Как так?! Был я, а стал... эта Юн Ми! Это чудовище... А ведь Гуань Инь обещала «природную красоту»! Ну и где она? Я не то чтобы спал и видел себя писанным красавцем, но, «пardon муа», обещала ведь?! Раз обещала, нужно выполнять! А то ведь – ну чистая крокодила в зеркале! Или это тут так выглядит эталон местной красоты? Если да, то тогда у меня просто нет слов...

Вздыхаю, отворачиваюсь от зеркала и, старчески шоркая подошвами тапок, бреду по коридору назад, в палату. Уже почти две недели с лишним прошло, как я обретаюсь в этой больнице. Всё это время чувствую себя весьма подавленно. Часто вспоминаю родителей, друзей, свою прежнюю жизнь,

смерть и что случилось потом. Постоянно снятся сны о той, моей Земле. Наверное, это от того, что я ничем не занят. Сон, уколы, процедуры, кормёжка – это все мои занятия тут. Вот голова постоянно и вспоминает, поскольку больше ей делать нечего... Не знаю, как там эти попаданцы в книгах, попав, уже на второй день привыкают без всяких проблем, а на третий – идут завоёвывать мир. Наверное, я плохой попаданец. Потому, что и две недели спустя я никак не привыкну. Всё вокруг – абсолютно чужое, незнакомое, вызывающее чувство опасности. Опасаюсь, что допущу какую-нибудь ошибку, скажу что-то не то, где-то проколюсь и меня раскроют. Постоянно слежу за своей речью, постоянно помню о том, что нужно говорить о себе в женском роде. От этого я испытываю дикий напруг и в моей голове усиленно «чешется вопрос» – на кой мне всё это нужно? Как-то я вообще не представляю себе свою дальнейшую жизнь. Просто какой-то полный алес капут! Наверное, в таком угнетённом состоянии люди и вешаются. Вполне возможно, что это может быть и выходом, но, во-первых – никогда даже и в мыслях не было становиться самоубийцей, а во-вторых – зачем тогда Гуань Инь прибегала? Помогала, зачем? О душе моей беспокоилась? А я вот так возьму и просто перечеркну всё. Отправляюсь на перерождение. Начну сначала. С какого-нибудь там червячка или жучка. Страшно это или нет? Не знаю. Наверное, да, раз этим даже богиня озаботилась...

Однако, если в душевном плане у меня всё плохо, то в

физическом, у Юн Ми, всё выглядит вроде даже и ничего. Неделю спустя, после того, как я пришёл в себя, она стала меньше спать, появились силы, начала самостоятельно передвигаться. Разговаривать, опять же, начала. Вполне возможно, что для стороннего наблюдателя у неё всё отлично. Однако лично у меня проблем – полно. Даже помимо психологических. Постоянно возникают какие-то неожиданные трудности. Первое, на что я наткнулся, когда встал на ноги – проблемы с координацией. Ноги у Юн Ми почему-то ходили весьма странно. Как-то «по-особому». Не так, как я привык. Я пару раз конкретно навернулся на ровном месте посреди палаты, а один раз – не вписался в дверной проём. Прямо на изумлённых глазах своего лечащего врача. После этого он устроил мне дополнительное обследование. Выяснилось – с руками проблем нет. Уверенно нахожу свои уши, нос, глаза, а вот с ногами – что-то не то... Ходят, но как-то не так и куда-то не туда. Меня опять засунули в томограф, просветили, качнули крови на анализы, но причину проблемы обнаружить не обнаружили. Врач, тщательно изучив нарисованные компьютером цветные картинки срезов мозга Юн Ми, задумался, а потом мне честно сказал, что не знает, в чём тут дело. Добавил, что поскольку ситуация ему не ясна, то никаких препаратов, чтобы мне не навредить, он давать не будет, но попробует решить проблему другим путём. Приказал выдать мне инвалидное кресло-каталку для детей. Лёгкую, чтобы мне, как только-только начавшему ходить, хва-

тило сил с нею справиться.

– По коридору, не спеша, катишь её впереди себя, – сказал он, объясняя, зачем она мне сдалась, – сама опираешься на её ручки руками. Устала, остановилась, села, прямо в неё, посидела. Отдохнула, встала – дальше пошла. Главное, помни, что твоя задача – не думать о том, как ты ходишь. Не следить за этим. Смотри по сторонам, на стены, на людей. Думай о чём-нибудь постороннем. Ты не должна вовлекать в процесс ходьбы головной мозг. Не должна им контролировать свои ноги. Как ходить – должно вспомнить твоё тело. Только так. Иначе у тебя ничего не выйдет...

Врач оказался молодцом. Предложенная им методика сработала на все сто. Тренироваться с коляской было действительно удобно. Не так заносило, как без неё, и попервой, когда у Юн Ми внезапно «кончались батарейки», я мог тут же сесть в кресло и отдохнуть. Где-то примерно через неделю такого хождения за коляской по коридору необходимость в дополнительной опоре отпала. То ли сил прибавилось, то ли моя душа где-то, как-то согласовалась с телом... Не знаю. Но, короче говоря, спустя неделю мы с Юн Ми начали ходить, как все другие нормальные люди. Пока расхаживался, немного познакомился с больницей в пределах своего этажа. Впечатления сложились положительные. Выглядит всё неплохо. Чисто, просторно. Ничем «таким», больничным, не пахнет, высокие потолки, большие, хорошо вымытые окна. Кондиционированный воздух. Современное выглядящее ме-

дицинское оборудование. Спокойная обстановка. Никто не шумит, не кричит. Пациенты почтительно разговаривают с врачами. Похоже, доктора – весьма уважаемая здесь профессия...

С ногами была моя первая проблема, которая благополучно разрешилась. Вторая проблема объявилась, когда я, «гуляя» за коляской по этажу, взялся подслушивать разговоры людей, пытаюсь собрать больше информации о мире, в который попал. Выяснил для себя весьма неприятный факт – мой корейский недостаточно хорош для того, чтобы я мог свободно общаться. Вроде всё понятно, понятно, потом вдруг – бах! Вылезает какое-то незнакомое слово, а то и не одно! Смысл сказанного теряется, и я не понимаю услышанное. А ещё, оказалось, что у меня с корейской письменностью, практически «komplette null». Понимаю написанное – с пятого на десятое. Даже простые объявления в холле, возле лифтов, прочитать толком не смог. Это весьма и весьма неприятный для меня факт. Насколько я помню из института, корейский язык, хоть и считается проще японского, но тоже ещё тот подарочек. В нём достаточно своих, «эксклюзивных», чудес. Например, буквы в корейских словах могут не всегда следовать друг за дружкой. Ну, вот так у них! Потом, в пределах слога, буквы могут соединяться в устойчивые комбинации – лигатуры. Их нужно все знать и помнить потому, что читаются они по-особенному, уже не как простые буквы. По виду эти лигатуры похожи на китайские

иероглифы, поэтому корейское письмо иногда и называют иероглифоидным. Ещё, в корейском языке существует так называемое смешанное написание слов, при котором для написания грамматических окончаний используется Хангыль, а для обозначения китайских корней слова – Ханча. Ханча – это китайские иероглифы, используемые в контексте письменности корейского языка. Они используются только для записи слов китайского происхождения, которые составляют примерно половину лексики корейского языка. Но в основном корейцы сейчас используют Хангыль. Хангыль – фонематическое письмо. Его характерной особенностью является то, что буквы объединяются в группы, примерно соответствующие слогам...

Короче, будет чем мне мозги напрячь! Может, зря я у Гуань Инь умение зарабатывать деньги просил? Пожалуй, вместо этого лучше стоило попросить знание языка и всех реалий местной жизни. Но я же не знал, что попаду в Корею! Ведь то, что говорили реаниматологи, я ведь прекрасно понимал! У меня и мыслей не возникло, что я не в России. Интересно, а действительно, почему я их понимал, хотя они наверняка говорили на корейском? Возможно, это какое-нибудь свойство умершего? Может, душа человека вне тела не нуждается в переводе? Слышит как-нибудь, «так», «напрямую»? А может, это влияние богини? Какое-нибудь заклинание или амулет... Не знаю. Я ничего не знаю! Знаю только, что я в глубокой жжжж... Выбраться из которой, похоже,

невозможно. Можно только углубиться...

* * *

Место действия: небольшой медицинский кабинет. Стены окрашены в светлые кремовые тона. У двух стен стоят узкие зелёные шкафы, полки которых почти полностью заполнены толстыми папками с разноцветными корешками. Окно, закрытое пластинками белых жалюзи. У одной из стен стоит большой стол, тоже в тон стен, со светлой столешницей. За столом сидит молодой врач в белом халате и «хипстерских» очках. (Такие носил Шурик в фильме «Кавказская пленница». – Прим. автора.). Рядом со столом сидит женщина с усталым и тревожным выражением на лице. Врач, заглядывая в лежащие перед ним бумаги, что-то ей рассказывает. Та внимательно его слушает.

– С медицинской точки зрения, в физическом плане ваша дочь – полностью здорова. В её организме нет никаких отклонений от общепринятых медицинских норм. Все органы тела функционируют нормально. Гематома в её мозгу рассосалась без следа, и сейчас в нём нет никаких патологий. И, не кривя душой, скажу, что это – невероятный результат!

– Почему, доктор? Почему – невероятный?

– Даже Мин-сии, долгое пребывание в состоянии клинической смерти невозможно без осложнений. Особенно страдает мозг. Нередки случаи, когда люди после такого превраща-

ются в так называемые овощи. Их мозг теряет способность к мышлению, и они становятся просто телами, в которых как-то теплится растительная жизнь.

– Ой, доктор, что вы говорите такое!

– Это не ваш случай, нунним. Ваша дочь, по анализам, имеет сейчас такое здоровье, которое, без всякого преувеличения, я бы мог пожелать всякому подростку в нашей стране. С мыслительной деятельностью у неё тоже порядок. Проведённые нами тесты не выявили никаких нарушений. Ваша девочка абсолютно правильно находит взаимосвязи между разными событиями, строит правильные логические цепочки и умеет задавать правильные вопросы. Всё это она делает на уровне здорового человека. Единственной проблемой является её память. Когда мы с вами встретились первый раз, я позволил себе высказать предположение о том, что в этом аспекте возможны некие нарушения. К моему большому сожалению, мои опасения оказались верны. Юн Ми никак не вспомнит свою прежнюю жизнь.

– И что же теперь делать, доктор? – с тревогой спрашивает женщина, наклоня голову и ловя своими глазами взгляд врача.

– Будем бороться с болезнью дальше. Сдаваться не станем. Правда, в данный момент существуют обстоятельства, которые несколько затрудняют лечение...

– Что за обстоятельства, доктор?

– Понимаете, нунним, лечение амнезии предусматрива-

ет в первую очередь терапевтическое воздействие на основное заболевание человека. Однако, как я уже сказал, по результатам проведённых исследований – ваша дочь здорова. Получается, что в данный момент воздействовать нам не на что. Нет конкретного места локализации болезни. Но такого не бывает, когда болезнь есть, а её причин – нет. Исходя из этого я предполагаю, что причиной амнезии у вашей дочери является какое-то сложное психологическое состояние, вызванное клинической смертью. К сожалению, определить наличие такой патологии приборами невозможно. А если говорить откровенно, то люди просто ещё не создали такие приборы. Но, несмотря на это, опыт лечения подобных заболеваний в медицине есть. И врачи соответствующие имеются. Поэтому, дальнейшим лечением Юн Ми займётся врач-психиатр...

– Моя дочь – сумасшедшая?!

– Ну что вы, что вы! Ни о каком сумасшествии даже речи быть не может! Ваша дочь имеет абсолютно адекватное, социальное поведение. Нарушения логики мышления, как я уже сказал, у неё не выявлено. Томография показывает полное отсутствие патологий в мозге. На данный момент ей поставлен диагноз – травматическая, ретроградная амнезия. И всё. Ничего другого кроме этого.

– А что это значит, доктор?

– Травматическая амнезия является последствием разных травм головы. Чаще всего физических. Бывают ещё пора-

жения током, облучение радиоактивными излучениями или воздействие магнитными полями, но это уже редкость. В большинстве случаев речь идёт именно о физических травмах. Я уже вам как-то рассказывал о том, что, что же такое память – до конца никем так и не выяснено. Но многие учёные занимались этим вопросом, и сейчас существуют разные теории, объясняющие механизм её работы. Одна из них предполагает, что память хранится в клетках мозга – нейронах. Соединяясь друг с другом, эти клетки образуют связи, по которым они обмениваются между собою информацией. Если сказать коротко, то память – это нейроны и связи между ними. При сильных сотрясениях мозгового вещества часть клеток гибнет, связи разрываются, информация теряется. В результате происходит потеря части воспоминаний. Восстанавливаясь, мозг создаёт новые нейроны вместо умерших, а оставшиеся в живых передают имеющуюся у них информацию новым клеткам. Память возвращается. Но, в зависимости от количества погибших клеток, восстановление может произойти не полностью. Чем меньше их выжило после сотрясения, тем больше вероятность того, что у человека будут провалы в памяти. При ситуации, когда нейроны гибнут больше определённого процента по отношению к их общему числу, человек теряет память полностью, ибо восстанавливать её в этом случае не из чего. Что, в общем-то, странно, если говорить о случае с вашей дочерью. Судя по рентгеновским снимкам и результатам томо-

графии, полученный ею удар был не настолько силен, чтобы вызвать столь большие последствия. Нет даже трещин в черепной коробке. Все симптомы указывают на имевшее место быть лёгкое сотрясение мозга. Ничего серьёзного после таких травм с людьми обычно не происходит. Поэтому, почему произошла потеря памяти и остановка сердца – тут совершенно непонятно... Это то, что касается травматической амнезии. Ретроградная же амнезия – это нарушение памяти о событиях, предшествовавших приступу заболевания либо травмирующему событию. Таким образом, диагноз, поставленный вашей дочери, говорит о том, что она потеряла память в результате физической травмы головы. И ничего не помнит из того, что было до этого происшествия. Вот и всё. Ни о каких психических отклонениях в диагнозе и речи нет.

– Но... почему тогда – психиатр? А вы, разве вы не можете продолжить лечить мою дочь? У вас так хорошо это получается, сачжан-ним... Вы такой хороший врач! (*Сачжан-ним – уважительное обращение в Корее. Переводится как директор. Даже если человек вовсе не директор. – Прим. автора.*)

– Спасибо, Дже Мин-сии. Но дело тут, видите ли, в том, что врачи-психиатры обладают навыками применения специальных психотерапевтических методик, направленных на восстановление памяти. Это отдельная область в медицине, и они проходят для этого специальное обучение. Я, к сожалению, такими знаниями не обладаю.

– Что это за методики такие, сачжан-ним?

– Однозначно мне будет сложно о них сказать, Дже Мин-сии. Их достаточно много. Задача психиатра как раз и состоит в том, чтобы выбрать наиболее эффективную для лечения пациента. Как правило, выбор осуществляется после проведения серии тестов, призванных определить психоэмоциональное состояние больного. Далее, в зависимости от их результатов, может быть назначено медикаментозное либо какое-нибудь иное лечение.

– Для этого Юн Ми переведут в психбольницу.

– Вас это беспокоит?

– Аджжж, доктор! Вы же знаете, какими порою несносными сплетниками бывают люди! Вы так всё хорошо и понятно мне рассказали, но всем-то это не объяснишь! Начнут сплетничать, а Юн Ми ещё замуж выйти нужно. А если пустят слух, что она сумасшедшая, разве тогда найдётся для неё хороший мужчина?! (*Аджэжэж – звук, выражающий неодобрение. Произносится корейцами с одновременным сокрущённым качанием головой.* – Прим. автора.)

– Я понял. Не беспокойтесь об этом. В штате нашей больницы есть врач-психиатр. Думаю, что проводить тесты он сможет прямо у нас. Для них нужны только стол и компьютер. Тем же, кто будет любопытствовать, просто скажете, что ваша дочь ходит на посттравматические осмотры.

– Спасибо, господин доктор! Большое спасибо! Вы успокоили моё материнское сердце. Доктор, скажите, а сколько ещё нужно будет лечиться? Через три месяца Юн Ми закан-

чивает старшую школу. Она так готовилась к экзаменам! Как же она теперь сдаст их, раз она ничего не помнит?

– Да, это проблема... К сожалению, я не могу сейчас точно сказать, когда именно здоровье вернётся к ней полностью. Будем надеяться, что за время, оставшееся до окончания школы, мы достигнем успеха в лечении. Потом, есть шанс, что мы имеем дело с частичной амнезией. Юн Ми забыла прежнюю жизнь, но помнит о многом, что её тогда окружало. Она не спрашивает – что такое кровать или, допустим, стекло. То есть эти вещи ей понятны и узнаваемы ею. Может, тогда она сохранила и знания по школьным предметам? Думаю, стоит попросить её школьных учителей это выяснить. Если вдруг это окажется так, то она может сдать экзамены вместе со всеми.

– А если – нет? Что тогда?

– Тогда вам выпишут справку о том, что по состоянию здоровья ваша дочь сейчас не может сдавать экзамены.

– Но ведь она потеряет целый год! Все будут учиться, а она...

– Будем надеяться на лучшее. На то, что этого ей не понадобится. Но ничего другого, кроме справки, я вам предложить не могу.

– Доктор, может, тогда её лучше сейчас не выписывать? Пусть побудет ещё в больнице?

– Думаю, это излишне. Во-первых, Юн Ми физически здорова и лечить её не нужно. Пребывание же в больнице

стоит денег. Во-вторых, выписывая её, я рассчитываю на то, что она вернётся в ту жизнь, которой жила до этого. Увидит людей, которых она видела, одноклассников, знакомых, близких. Увидит знакомые здания, улицы... Свои любимые фильмы, услышит музыку, которая ей нравилась. Всё это будет непрерывными раздражающими факторами для её мозга. Коль проблема амнезии лежит вне физиологической, а в психологической плоскости, то такая активная бомбардировка его звуками и образами как раз может дать тот необходимый толчок к восстановлению памяти, который нам нужен. Посетите с ней места, в которых она любила бывать. Приготовьте ей её любимые блюда. Наденьте на неё её любимую одежду, обрызгайте любимыми духами, сделайте макияж. С помощью всех этих зрительных, осязательных, тактильных действий перебросьте ей мостик из её настоящего в её прошлое! В любой миг любое из таких воздействий может пробудить её память, и она всё вспомнит! Вы понимаете меня, Пак Дже Мин?

– Да, доктор. Я обязательно так и сделаю! Спасибо вам за то, что вы так неравнодушны к моей бедной девочке...

* * *

Смотрю в монитор компьютера, как баран на сто новых ворот. А если точнее, пялюсь на три предложения, составленные из корейских иероглифов. Нужно выбрать из трёх

одно. Ничего сложного, но это лишь при том условии, если понимаешь, что в них написано. А я – не понимаю. И как мне теперь следует поступить, не знаю. Врач, лечивший мне голову, сегодня сказал, что он меня «совсем вылечил» и по всем анализам я здоров. Всё, что он мог, он сделал, но, поскольку память мне так и не вернулась, то чего теперь делать со мной, он как бы не знает и поэтому передаёт меня другому врачу – психиатру. Ибо проблема, как он сказал, похоже, лежит в области психологии.

Невозможно восстановить то, чего нет, подумал тогда я, с вежливым видом выслушав врача, и добавил уже для себя: а «дурка-то» всё ближе и ближе... Вот уже и о психиатрии разговор пошёл...

Видно, я не справился с эмоциями, и на лице у Юн Ми появилось выражение тревоги, потому что врач принялся успокаивать, объясняя, что ничего страшного в этом нет и это стандартная последовательность лечения подобных заболеваний. Дабы подсластить выданную им пилюлю, он сообщил, что планируется меня выписать в ближайшее время. Пусть меня психиатр посмотрит, даст «добро», а там, мол, и на все четыре стороны...

Психиатром оказался сухопарый пожилой кореец с морщинистым лицом. Внимательно оглядел меня, потом вперился взглядом мне в глаза. Секунд пятнадцать мы с ним поиграли в гляделки. Потом он многозначительно хмыкнул и дипломатично, первым, отвёл взгляд в сторону. Тут только

я вспомнил, что пялиться мне так не положено. Он мужчина, гораздо старше, плюс Юн Ми ещё девочка. Девочки не должны себя так дерзко вести. Это же азиатские заморочки, протокол ведения разговора! А я как-то и забыл об этом...

– Что ж, давай начнём, – сказал врач, не став комментировать грубое нарушение правил корейского этикета, – я твой новый лечащий врач-психиатр. Зовут меня доктор Ким Чен Сёк. Я попытаюсь определить причину, по которой ты ничего не можешь вспомнить. Для начала мы просто с тобою поговорим, чтобы немного познакомиться...

Поговорили. Минуты три. Всё это время я прикидывался «полной амнезией» и девяносто процентов моих ответов было – «не помню». Десять оставшихся процентов были – «не знаю». Ну не твердить же всё время одно и то же? Будет выглядеть подозрительно...

В конце концов врач исчерпал свои вопросы и перешёл к следующей части беседы – рассказу, что нас с ним ждёт в будущем. Точнее, больше меня ждёт, но он тоже будет участвовать, поэтому можно сказать, что ждёт нас обоих.

– В ближайшие дни тебя выпишут, и ты вернёшься домой, – сказал он мне, – вернёшься к родным, друзьям, учёбе и своим повседневным занятиям. Знакомая обстановка будет создавать постоянную стимуляцию твоего мозга, которая должна привести к восстановлению памяти. Как показывает опыт, использование подобного подхода в лечении зачастую более эффективно, чем проведение лечения в клинике. Ты

молода, здорова и твоя психика ещё очень пластична. Поэтому это будет лучшим вариантом. Но без присмотра я тебя не оставлю. Я буду следить за твоим психоэмоциональным состоянием с помощью специальных тестов. Накопив с их помощью информацию, я смогу понять, что следует предпринять в текущий момент. Например, может, тебе нужно будет принимать какие-нибудь лекарства или провести в клинике сеанс гипноза...

Тесты нужно делать каждый день. Чтобы впустую не терять время на дорогу ко мне и обратно, их я буду присылать тебе на электронную почту. Выполнение их будет занимать у тебя от силы 10–15 минут в день. Если тест будет большой, на час времени, я тебе об этом дополнительно сообщу, чтобы ты спланировала своё время. Выполнив задание, ты будешь отсылать файл мне обратно. Сначала тесты ты будешь выполнять часто – каждый день. Потом, в зависимости от развития ситуации, они могут выполняться реже. Примерно раз в месяц ты будешь приходить ко мне на приём. Интернет Интернетом, но хоть иногда врач-психиатр должен видеть глаза своего пациента... Тесты будут разные. От десяти до тысячи вопросов, без ограничения и с ограничением по времени их выполнения. Внимательно читай пояснения, которые я буду присылать вместе с заданиями. Это поможет тебе избежать ненужных ошибок. А теперь, Юн Ми-ян, иди, садись за тот компьютер. Сделаем первый тест. *(Ян – суффикс к имени в корейском языке, указывающий на пол. Может указывать*

на возраст. В данном случае – «девочка», «девушка». – Прим. автора.)

Я встал со стульчика, на котором сидел, прошёл и сел на указанное место. А у самого в это время в голове крутилась фраза – «сеанс гипноза», «сеанс гипноза»... В «клинике»! Если меня там загипнотизируют, то я им так О-ого понараскажу! Вот тогда-то меня точно либо навсегда в дурдоме закроют, либо сдадут учёным на опыты! Никаких клиник и никаких гипнозов! Ни в коем случае!

Доктор Ким подошёл ко мне, мышкой навёл курсор на иконку, щелчком клавиши запустил приложение. В тот же миг весь экран монитора заняло раскрывшееся окно программы. На ядрёно-салатовом бэк-граунде, посередине, было три белых кружочка, а рядом с каждым из них – фраза, написанная по-корейски чёрными иероглифами.

– Всё просто, – сказал Ким, – тесты по внешнему виду почти такие же, как в твоей школе. Читаешь предложения, выбираешь из них то, которое считаешь правильным, и мышкой ставишь точку в кружочке. Потом нажимаешь вот эту кнопку внизу экрана и переходишь на следующую страницу... И так, пока не дойдёшь до конца. Этот тест простой, всего на пятьдесят вопросов без ограничения времени на ответы. Его основная задача состоит в том, чтобы ты освоилась и поняла, как это делается. Приступай, Юн Ми-ян!

Кивнув головой, я сделал вид, что читаю, потом ткнул мышкой в средний кружочек, поставил точку и щёлкнул кла-

вишей, переходя на следующую страницу.

– Хорошо, – одобрительно сказал врач, – работай и потрудись хорошо. А я, чтобы тебя не смущать, пойду схожу по своим делам. Если закончишь быстрее, чем я вернусь, не уходи. Дождись меня. Посмотрим результаты твоего теста.

Ким Чен Сёк ушёл, оставив меня один на один с компьютером. Вот, сижу, пытаюсь понять, чего мне делать? Можно, конечно, и остальные странички так же, рандомно, натывать. Только вот – стоит ли? А вдруг в результате тест покажет, что меня спасёт только сеанс гипноза? В «клинике»? На фиг, на фиг такое счастье! Тогда сказать, что не понимаю, что тут написано, поскольку «забыл» алфавит? И что тогда? Тогда никаких тестов на почту не будет, а будет наверняка снова – «клиника»! Как иначе врач тогда сможет следить за пациентом и задавать ему вопросы? Ему нужно, чтобы больной был «под рукой». Здесь меня вылечили, выписывают. А домой, получается, меня везти смысла нет, поскольку там я буду не доступен врачу. Только «клиника» и остаётся... А в клинике – «гипноз». Не, так не пойдёт! Туда мне точно не нужно. Но что тогда делать? Как же пройти этот дурацкий тест?

Тут мой взгляд, хаотично шарящий по экрану монитора, наткнулся на узкую строчку из английских слов в самом его верху. Там было написано: файл, вид, сервис, окно. Автоматом, даже не думая, я ткнул курсором в слово «сервис». Появился ниспадающий список, в котором третьим из шести пунктов значилось – «язык». Ткнул в «язык». На выбор мне

предложили – английский, корейский.

Английский? Еееес, оф кос! Экран моргнул и на нём вместо корейской абракадабры появились три совершенно понятные и ясные, как божий день, английские фразы!

«Какой же я умный! – искренне восхитился собою я. – Вот, пожалуйста, нормальный язык! Всего-то нужно было потыкать... Похоже, эта программа – локализация какой-то английской версии...»

Я поудобнее ухватился за мышку.

Шкурка четвёртая

Время действия: почти три недели спустя после попадания.

Место действия: небольшая больничная палата с двумя кроватями. Одна из них застелена, а другая – нет. Рядом с той кроватью, которой пользуются, стоит на зелёной пластмассовой треноге капельница. На небольшой полке, на стене – увлажнитель воздуха. Несколько стульев, маленький квадратный столик со светлой столешницей под дерево. Белый потолок и салатового цвета стены. Окно с широким подоконником. На подоконнике, обхватив колени руками, сидит девочка в синей пижаме и смотрит в окно.

Сижу... В окно гляжу. За окном местная зима – начало февраля. Деревья и кусты – голые, без листьев. Серый асфальт, серые, низкие облака, затянувшие всё небо. Снега нет. Сухо.

Сижу... Жду Сун Ок. Сегодня меня выписывают. Она должна привезти мою одежду. Точнее – одежду Юн Ми...

Сижу... Размышляю...

...Если мне обязательно нужно прожить это воплощение и прожить, как я понимаю, «правильно», то тогда получается, что все мои предыдущие воплощения были «не очень»? Я где-то крупно накосячил? И как же я мог это сделать? Может, я был в прошлых жизнях каким-нибудь преступником,

грабителем или вором? Воровал, убивал, грабил, насиловал? Пфффф... Не очень приятно узнать о себе такое! А почему я так жил? Я вроде бы человек не конфликтный, не злой, с людьми лажу... Как я мог такое делать? Если бы я был в душе злодеем, наверное, это бы уже проявилось, ведь так? А я – нормальный... Хотя, есть ведь ещё и другие грехи: гордыня, чревоугодие, похоть, зависть... Может, это они замусорили мою карму? Просто копились, копились из жизни в жизнь и наконец достигли критического уровня. И никого я не убивал... Обычный, естественный ход вещей. Просто у меня в прошлых жизнях характер слабый был. А сейчас я могу всё исправить, разгрести всю эту помойку с грехами. Радоваться этому надо, а не сидеть, сопли жевать. Жаль только, Гуань Инь не сказала, что конкретно нужно делать, чтобы «выпрямить» карму... Но понятно, она этого мне сказать не могла, потому что это было бы инсайдерской информацией... Однако и без её подсказок ясно, что мне следует вести благочестивый образ жизни и не грешить. Может, есть смысл пойти в монахи? Хмм... может... Правда, мысль о том, чтобы провести всю жизнь за стенами монастыря, честно говоря, не воодушевляет, но если надо, то надо! Был бы только толк с этого. А то в кино частенько показывают, что монахи и покусать любят, и пиво в монастырях своих гонят, да и по монашкам иногда ещё прошвырнуться могут... Смысл тогда сидеть в четырёх стенах, если внутри них будут те же соблазны, что и «на воле»? Тут главное – сила воли. Можно соблаз-

нов избегать и в мирской жизни, было бы желание. А может, Гуань Инь запихнула меня в женское тело, чтобы как раз и оградить меня от каких-нибудь этих соблазнов? Каких? Ну, например – блуд! Любовь к противоположному полу. Может, в прошлых жизнях я был жутким ловеласом вроде Дон Жуана и «оприходовал всё, что только шевелится, женского полу»? А что, вполне может быть! С женщинами у меня проблем нет, они мне нравятся, я им тоже. Наверняка и раньше так было... Разбивал сердца, приносил страдания и слёзы... Вот меня богиня и засунула в женское тело, чтобы я вновь не пошёл по протоптанной дорожке! Неявно помогла, не сказав ничего. Логически – вполне возможная ситуация. И опять же – всё из-за баб! Тоже, как обычно...

Сижу... Смотрю в окно... Размышляю...

...Если это действительно так с Гуань Инь, то тогда можно считать, что Юн Ми – это что-то вроде искупления. А раз так, то тогда нужно сидеть, не чирикать и радоваться тому, что я жив и мне даден второй шанс. Уверен, что не всякому такое выпадает! Плюс я побывал в таких местах и увидел своими глазами множество невероятных вещей, которые никто из живых наверняка не видел и, может, не увидит никогда! Я разговаривал с настоящей, живой богиней! И она помогла мне сохранить мою бессмертную душу, хотя думаю, что, в общем-то, я был не вправе на такое рассчитывать... Грех на судьбу жаловаться... Нужно брать себя в руки. Кончать ныть и начинать думать, как прожить

свою новую жизнь, чтобы она прошла не напрасно. Чтобы всё было не зря! Только вот как правильно это сделать? Хорошо бы посоветоваться с кем-нибудь по этому вопросу... Может, есть смысл сходить в какой-нибудь здешний монастырь и спросить? Восток славится своими мудрецами... А что, неплохая идея... Может, что скажет полезного...

Сiju... Смотрю в окно... Размышляю...

...В принципе, хорошо, что меня выписывают. Уже поднадоедать тут стало. Нельзя же всю жизнь в больнице просидеть? Да и от врачей лучше держаться подальше. Психиатр-то больно шустрый попался. Я даже не ожидал, что он меня так... подловит. Я прошёл данный им тест, перевёл язык программы вновь на корейский, сiju, жду. Пришёл доктор, сел за свой комп, видно, через Сеть посмотрел мои результаты, сказал, что всё хорошо, а потом и говорит: видишь, Юн Ми, ты помнишь, как пользоваться компьютером, хотя забыла все, что было до аварии. Значит, память у тебя, похоже, сохранилась. Просто у тебя к ней почему-то «нет доступа». Думаю, принятое решение о способе твоего лечения – совершенно верное...

Если бы я уже не сидел, точно бы на зад плюхнулся от изумления! Блин, ведь всё заметил и сопоставил! А я даже не подумал об этом! Как баран, кинулся к компу, когда сказали. Спрашивается – а что он завтра заметит? И какие выводы сделает с увиденного? Не, лучше держаться подальше от психиатров. С мозгами и наблюдательностью у них тут,

похоже, всё в порядке...

Сижу... Смотрю в окно...

Несколькими этажами ниже, под моим окном пролетела большая птица в сером оперенье. Я проводил её взглядом до тех пор, пока она не скрылась вдаль, за рекою, исчезнув на фоне многоэтажных зданий.

Большой город, подумал я, разглядывая эти высотки, река, мосты, небоскрёбы... Может, это Сеул? Что-то я даже не сподобился узнать, как этот город называется... То лечился, то печалился... Всё некогда было. Но ничего, приеду домой к Юн Ми, залезу оттуда в Сеть и всё узнаю. Интернет тут есть, это я совершенно точно узнал. Проще шариться по «паутине», не привлекая к себе внимания, чем задавать окружающим глупые вопросы. В этом случае даже без знания корейского языка можно обойтись. Пойду сразу на англоязычный сайт. С английским у меня должно быть всё нормально. Прочитал же я предложения в тесте? В крайнем случае, если и с английским окажется труба, то с русским-то всё точно будет окей!

Сижу... Смотрю в окно... Размышляю...

...Интересно, Юн Ми – девятнадцать лет... Она где-то учится? В каком-нибудь институте? Если да, то тогда мне придётся ходить на учёбу. А как я буду это делать с моими знаниями языка? С одной стороны, я могу быстрее адаптироваться, а с другой стороны – в институте ведь нужно результаты какие-то показывать, учиться ведь нужно! Я же ре-

ально сессию завалю! Вот радости будет... Впрочем, пожалуй, я впереди телеги бегу. Может, она не учится, а работает... Работает? Кем? Тогда мне, что, придётся ходить на её работу вместо неё? Хм! Конечно, придётся! Я же в её теле и должен как-то на жизнь зарабатывать? Кормить задаром вечно не будут... А чем я могу тут заработать? Переводами? Ага, с моим-то корейским! Я такого им наперевожу – ахнут! Да, нужно срочно подтягивать корейский. Потом, ещё нужно проверить, что у меня с другими языками. Помню я что-то или нет? Как это сделать? Хmmm... Ну, попробовать почитать и послушать речь на разных языках можно и в Интернете. А вот поговорить на них... с кем? Поговорить, чтобы выяснить – понимают меня или нет? Оценить, какое у меня теперь произношение. Где мне найти носителей европейских языков? Ну-у... тоже можно это решить. Не такой уж сложный вопрос. Если этот город большой, то, значит, в нём наверняка должен быть аэропорт. Тоже большой, как и город. А в аэропорту, в большом аэропорту, должны быть международные рейсы. Там, где международные рейсы, там водятся иностранцы: немцы, французы, итальянцы, русские... Можно просто приехать в аэропорт и походить по залу. Послушать и попытаться поговорить с пассажирами. Если спросят – скажу, что студент... ка! Практикуюсь. Если европейские языки здесь не отличаются от «моих», то тогда всё будет нормально. Подтяну за пару лет корейский и устраюсь работать переводчиком. Проживу!

– Юн Ми! Ты чего там, на подоконнике, сидишь? – Внезапно раздавшийся от двери громкий голос Сун Ок заставил меня вздрогнуть от неожиданности. – Тебе там не холодно? Ты не замёрзла? Иди скорей, переодевайся! Я привезла твои вещи. Поедешь домой, красивая, как принцесса! Я взяла твою любимую юбку! Ты помнишь свою юбку?

Юбку?! Я? Свою? Помнишь?

От вопроса сестры Юн Ми я впал в то чудное состояние ума, когда в голову не приходит ни одного вразумительного ответа...

* * *

Такси, большой и просторный автомобиль серебристого цвета и неизвестной мне марки, мягко покачиваясь на неровностях дороги, неспешно везёт меня по городу. Сажу сзади, один, на удобном сиденье, смотрю в боковое окно на неторопливо проплывающие мимо незнакомые дома и улицы. Сун Ок сидит на переднем сиденье, рядом с водителем. Мама Юн Ми ждёт нас дома. Готовит встречу. Обстановка в машине несколько напряжённая. Это я виноват. Нужно было всё же сначала подумать, какой может быть реакция на мой вопрос – «А как называется этот город?», а уж потом его задавать. Услышав, что я спросил, сестра Юн Ми снова расстроилась, что я ничего не помню, а водитель, пожилой кореец с плоским и хитрым лицом, похожий на японца силь-

но удивился. Ну что ж, ляпнул, не подумав. Бывает. Зато я теперь знаю, что это – Сеул, столица Кореи. А ляп простителен, ибо нахожусь я в некотором ошеломлении. Во-первых, это мой первый выход под открытое небо из уже знакомого и безопасного убежища – больницы. А во-вторых, это – одежда! Женская одежда! Обычно я её с кого-то снимал... Нынче же процесс прошёл в другом направлении, заставив вернуться меня к мыслям об отработке кармы. В итоге, в завершении процесса, на Юн Ми были одеты: трусы, майка, жёлтая рубашка с длинными рукавами, чёрная плиссированная юбка с двойной блестящей окантовкой по низу, зелёного оттенка кофта, плотные тёплые колготки коричневого цвета, чёрные ботинки на шнурках и вязаная шапочка из разноцветных ниток с помпончиком, прикрывающая лысый череп. После того как врачи сбрили волосы на голове, расти они особо не спешат.

Сун Ок оказала неоценимую помощь по натягиванию колготок. Постоянно перекручивались! Пфффф, ну что за одежда?

Единственным светлым моментом в процессе одевания стало отсутствие в комплекте одежды «сиськоуловителя». У Юн Ми ловить им нечего. Грудь совсем маленькая. Можно и без него.

Юн Ми оделась, и мы с её сестрой прошлись по этажу, заглянув в несколько кабинетов. Поблагодарили врачей и медсестёр. Низко кланялись, распевно произнося – камсайам-

нидаа-а! *(Переводится как большое спасибо! – Прим. автора.)* Я повторял поклоны за Сун Ок, широко улыбался и по-малкивал, прислушиваясь к своим ощущениям от одежды. Такое чувство, что ноги чем-то сжаты и голые... И как-то неудобно, когда все видят твои ноги... И снизу как будто... поддувает. Пффф...

В кабинетах все нам радостно улыбались, кивали в ответ и желали здоровья. В общем, больницу мы покинули на волне позитива. Спустились на лифте вниз, в большой холл с квадратными чёрными колоннами вдоль стен и блестящим, зелёного оттенка, мраморным полом.

Не слишком ли солидный холл для больницы? – подумал я, оглядев обстановку.

Пока я озирался, Сун Ок вновь полезла в свою большую, ярко-синего цвета сумку, в которой принесла с собой одежду для меня, достала короткий красный пуховичок и надела его на Юн Ми. Сама застегнула молнию, сама защёлкнула все «кнопки», поправила воротник. Я стоял – только глазами лупал, не возражая, резонно решив, что уж она точно лучше меня знает, чего и как тут нужно делать. А если знает, то пусть и делает...

Наконец, дополнительно утепившись, мы вышли на улицу. После почти трёх недель, проведённых в помещении, воздух был невероятно вкусный. Пах холодом, машинами, каким-то дымком, асфальтом, сухими листьями и чем-то ещё, незнакомым, но приятным. Кажется, специями. Но не

успел я с удовольствием несколько раз вздохнуть полной грудью, как к нам уже подъехало такси. Надышаться не вышло. Сун Ок быстро усадила меня в машину и закрыла за мною дверь. Вот, едем теперь по городу, «к себе домой».

– Юн Ми, как ты себя чувствуешь? – спрашивает, развернувшись ко мне, Сун Ок. – Ничего не болит?

– Хорошо. Ничего.

– Тебе не жарко?

– Нет.

– Тебе не холодно?

– Нет, – отрицательно качая головой я и односложно отвечаю. – Всё хорошо.

– Эх, – сокрушённо говорит она, качая головой, при этом сморщившись и слегка скалясь, так, как это умеют делать корейцы, – я так переживаю за твоё здоровье! Наверное, нужно было тебе ещё побыть в больнице!

– Нет, всё хорошо, – вновь говорю я.

Это она уже третий раз спрашивает. Очень беспокоится. По моему впечатлению, мне кажется, что у Юн Ми хорошая, дружная семья, в которой люди действительно любят друг друга. Мама и сестра Юн Ми искренне волнуются и заботятся о ней. Отца, как я знаю, в семье нет. Умер двенадцать лет назад. С тех пор они живут без мужчины в доме, втроём – мама, Сун Ок и Юн Ми. Сун Ок старше Юн Ми. Учится в институте. В каком именно и на кого – я ещё не спросил. Знаю, что семья живёт где-то на окраине города, в доме с

магазинчиком, который принадлежит матери Юн Ми. Больше ничего о семье мне неизвестно. Не расспрашивал. Решил разузнать обо всём в более подходящей обстановке.

– Скоро уже приедем, – вновь обернулась ко мне Сун Ок, – немножко уже осталось. Ты счастлива, что едешь домой, Юн Ми?

– Да, – односложно говорю я, стараясь выглядеть воодушевлённо.

– Мама дома тебе столько вкусного приготовила! И твоё любимое пулькоги! *(Пулькоги (сладкое мясо) – известное корейское блюдо из мяса. Готовится жариванием его в сладком соусе. Пулькоги очень любят дети. – Прим. автора.)*

– А... хорошо...

– Ты не рада?

– Почему? Рада. Просто я не помню, что такое пулькоги. Прости...

Сестра Юн Ми несколько секунд молчит, затем кивает и разворачивается в кресле, садясь прямо. Замечаю внимательный взгляд водителя такси, смотрящего на меня через зеркало заднего вида. Я отворачиваюсь и снова смотрю в окно.

За окном – современный город. Широкие улицы, высокие здания из стекла и стали.

Много магазинных витрин. Много ярких рекламных щитов. Много машин. Много людей на скутерах и небольших мотоциклах. Много больших автобусов. Много пешеходов.

Короче говоря – мегаполис.

Машина въезжает на мост через широкую реку. Вдали, на горе, замечаю тонкий серый шпиль телевизионной башни с толстой нахлобучкой недалеко от верхушки.

Наверное, оттуда – потрясный вид на город... Нужно будет как-нибудь сходить, посмотреть...

Переезжаем мост, гора и телебашня скрываются слева за домами. Едем дальше. Дома потихоньку становятся ниже, дорога пошире... Водитель поворачивает направо, съезжая с автотрассы. Теперь путь пролегает по неширокой улице, вдоль которой, за каменными и металлическими заборами, выстроились в ряд невысокие, в два-три этажа, дома. Причём дома по степени своей крутизны идут вразнобой. Шикарные домики-коттеджи современного европейского дизайна спокойно соседствуют с домами попроще, а то и с постройками откровенно халупистого вида. Появилась лёгкая холмистость. Дорога «заиграла» вверх-вниз, вверх-вниз...

Когда такси забирается на верхушку холма, в окно видно уходящее вдаль море таких же небольших домиков, мимо которых мы сейчас едем. Похоже, это уже край города. Наконец сворачиваем налево, в проулок, и, заехав в какой-то малюсенький дворик, машина останавливается.

– При-еехали! При-еехали! – дурашливым голосом радостно прокричала Сун Ок, открывая дверь. – Юн Ми, выходи!

Послушно вылезаю из машины. В некоторой растерянно-

сти озираюсь по сторонам, не зная, что дальше делать.

– Юн Ми! Ты чего стоишь? А ну, давай, пошли! Мама уже, наверное, совсем заждалась!

Куда идти-то?

– Пойдём, пойдём! – позвала Сун Ок, направляясь к дверям в стене дома, в которой, кроме двери, не было больше ничего. Одна голая стена. До того, как меня позвала Сун Ок, я стоял к ней спиной.

Вздохнув, я пошёл за нею следом, зашёл в открытую ею дверь и попал в небольшую, слабо освещённую электрическим светом прихожую. Огляделся. Слева, у стены – аккуратный деревянный шкафчик с обувью, вешалка для одежды с тумбочкой-сиденьем под ней. Справа – стена. Вкусно пахнет едой.

– Ма-ма! Мы дома! – громко закричала Сун Ок, нагнувшись и стягивая с себя уличную обувь. – Мам! Юн Ми вернулась!

– Раздевайся! – скомандовала она, оглянувшись и увидев, что я просто стою.

Я расстегнул и снял с себя пуховичок, повесил на вешалку. Снял шапку, провёл ладонью по чуть вспотевшей голове, чувствуя, как коротенькие волосы колют ладонь. Сун Ок, не сняв уличной куртки, убежала куда-то вперёд, видно, к маме Юн Ми. Я не торопясь снял ботинки, аккуратно поставил на полочку в шкафчик. Надел стоявшие задниками ко входу розовые тапочки и, вздохнув, сделал несколько осторожных

шагов по полу из светлого дерева, думая при этом об одной штуке, внезапно пришедшей мне в голову.

Сестры у меня нет. Поэтому обратиться к Сун Ок – «сестра», ничего сложного. Это не вызывает в моей душе антагонизма. Но как быть с мамой Юн Ми? Несомненно, мне следует называть её мамой. Но ведь у меня же есть своя, настоящая мама. Мысль о том, что я буду говорить чужой женщине «мама», мне неприятна. Такое чувство, словно я какое-то предательство совершу... И как быть?

– Юн Ми, доченька! Ты приехала! Я так тебя ждала! Бедная ты моя девочка!

Не успел я и, как говорится, «мявкнуть», как меня крепко сжали в объятиях. Дальше меня обнимали, целовали, прижимали, говорили, что я – «бледная», с синяками под глазами, отошавшая, уставшая... Короче, со мною делали всё то, что обычно делают женщины, встречая после разлуки своих детей. Я стойко переносил все тяготы, терпеливо ожидая окончания, поскольку у меня есть опыт подобных встреч. Не особо-то, в общем-то, эта встреча отличается от тех, которые устраивала мне на первом году учёбы моя мама, когда я, поступив в институт, заселился в общагу и стал редко появляться дома...

Сун Ок тоже приняла участие в «радости», слегка потискав и пообнимав меня. Но всё когда-то кончается. Наконец, мама Юн Ми выпустила меня из объятий.

– Мои дети дома, – улыбаясь, произнесла она, пальцами

вытирая слезинки в уголках глаз, – теперь моё сердце спокойно. Пойдёмте, поедим вместе!

* * *

– Сун Ок, где твоя сестра?

– Мам, она пошла в Интернет. Я включила ей ноутбук. Она в нашей комнате.

– А-а, хочет посмотреть, что ей подружки написали?

– Ну-у, не знаю, удастся ли ей это...

– Почему?

– Ма, она забыла все пароли! Как она посмотрит, если не сможет никуда войти? Сидит, пытается вспомнить.

– Аджжж! У меня сердце кровью обливается, когда я на неё смотрю! Ты видела, как она держала палочки для еды? Так, словно впервые взяла их в руки?

– Да. Так странно...

– Вся моя радость уходит, когда я вижу Юн Ми такой... потерянной.

– Мам, доктор говорил, что может быть нарушение правильности движений. Помнишь, он назвал это моторикой? Может, с её пальцами это оно и есть? По её виду – она совсем палочками есть разучилась!

– Ох... Неужели это те последствия, о которых говорил доктор? И вкус у неё изменился. Сказала, что всё очень острое... А я ведь совсем чуть-чуть специй положила! Пуль-

коги, своё любимое, всего кусочек съела... А кимчхи вообще есть не стала... Как такое может быть? Что это с ней? Может, у неё живот от лекарств болит? *(Кимчхи – блюдо корейской кухни, представляющее собой остро приготовленные квашенные овощи, в первую очередь пекинскую капусту. Кимчхи корейцы едят всегда и везде, как украинцы сало. – Прим. автора.)*

– Мама, доктор сказал, что нужно подождать. Помнишь, она забыла, как ходить нужно? А сейчас нормально ходит. Всё вспомнила! И компьютер помнит, как с ним обращаться нужно. Просто память к ней медленно возвращается. Но она обязательно вернётся. Вот увидишь! Мама, пожалуйста, не беспокойся.

– Ох, Сун Ок, я так на это надеюсь. Но одной надежды мало. Я ей завтра сварю «здоровый супчик».

– Маа-а! Ну не надо!

– Почему? Ей нужно поправляться. А ты знаешь, какой он полезный? Люди говорят, что он даже от туберкулёза вылечить может! Ты слышала об этом?

– Ма! Юн Ми же сказала, что не будет есть его никогда! Ты помнишь, как она тогда плакала, когда узнала, что он сварен из маленьких собачек?

– Ну-у, это давно уже было...

– Хочешь, чтобы она опять расстроилась?

– Она сейчас об этом не помнит. И ничего страшного не случится, если она его немножко покушает. Пользы от этого

будет гораздо больше, даже если она потом расстроится. Я уже сделала заказ. Завтра привезут мясо.

– Мам, ты такая упрямая! Зачем спрашиваешь, если уже всё решила?

– Ну, нужно же мне с кем-то советоваться, Сун Ок?

* * *

Сажу перед монитором, торопливо сканируя Сеть с невыполнимым желанием – за раз впахнуть в себя всю информацию. Сун Ок тактично оставила меня наедине с компьютером, решив, что я хочу посмотреть свои личные сообщения в соцсети. Не стала смущать младшую сестру. Спасибо, конечно, за такое вежливое обращение, только вот прочитать мне ничего не суждено. Во-первых – я кода доступа не знаю к этой сети, а во-вторых – оно мне нужно? Как только Сун Ок ушла, оставив меня сидеть перед открытым на экране «окном» для ввода пароля, я быстренько его свернул и ринулся в Сеть.

Первое, с чего я начал, – посмотрел карту мира. Выяснил, что Земля здесь тоже – круглая, материки – такие же и столько же, очертания их – похожи на наши, крупные острова – вроде там же. С этим всё понятно.

Потом полез искать – есть ли Россия? Есть! Так же называется, там же находится и размеры страны – такие же. Москва – столица. Тоже хорошо!

Затем изучил результаты поиска по своему запросу «основные исторические события». Я собственно в истории не очень разбираюсь, так, помню, в общем-то, только основные моменты, но и моих знаний хватило для того, чтобы заметить различия. Во-первых, здешние сроки войн, и Первой, и Второй мировой, и войны 1812 года, не совпадают с нашими. Войны примерно в то же время – были, называются так же, но начались они и закончились в другие годы. Во-вторых, исторические деятели. Совпадений нет. Никаких! Ни Ньютона, ни Королёва! Странно это всё, конечно, но должен же этот мир чем-то отличаться от моего? Гуань Инь сказала, что он – очень похож. Да, действительно, похож. Есть отличия, с которыми следует разобраться. Но это после. Сейчас, пока меня от компа не отогнали, нужно быстро посмотреть, что это за страна, в которую я попал? Хотя какое-то представление составить о том, что меня может тут ожидать...

Набираю запрос – Южная Корея. Набираю по-русски. Я не стал заморачиваться английским, сразу пошёл на русскоязычные сайты. Зачем мучить английский, если есть – русский?

Комп обновляет изображение на экране, вываливая на него новые ссылки.

– Так, – шепчу я себе под нос, – ну и что тут у нас?

«...Республика Корея – государство в Восточной Азии, расположенное на Корейском полуострове. Столица – Сеул. Неофициальное название страны, широко употребляемое в

средствах массовой информации, – Южная Корея...»

Ага...

«...По-корейски Республика Корея называется Тэхан мингук. Чаще используется сокращение полного названия – Хангук...»

О'кей, не возражаю...

«...Главой государства в Южной Корее является президент. Нынешний президент Пак Кын Хе, первая женщина-президент, представляющая партию Сenuри, была избрана в 2012 году...»

Женщина-президент? В Азии? Ну что, круто... Так, сейчас у них тут февраль 2014 года... Тот же год, что был и у нас. Понятно...

«...Женщинам в Южной Корее запрещено носить излишне откровенную одежду. Под «излишне откровенной одеждой» понимается та, которая «провоцирует чувство стыда и дискомфорта у окружающих...»

Не понял? Женщина-президент и такая фигня в стране? Как их феминистки с потрохами не сожрали за такое? Или тут феминисток нет? Забавно, если так...

«Республика Корея занимает южную часть Корейского полуострова...»

Ага.

«Общая площадь страны – 99 617,38 квадратного километра...»

Неважно...

«...Республика Корея является экономически развитым государством с высоким уровнем доходов на душу населения...»

Это хорошо...

«...Крупнейший в мире судопроизводитель (45 %-я доля рынка). Большой спрос в Китае на корейские товары, особенно автомобили...»

Сорок пять процентов мирового рынка – это до фига... Во куда нужно устраиваться переводчиком – в судостроительную компанию! Платить там должны неплохо.

«...Экономика Южной Кореи по состоянию на 2008 год является 13-й в мире по валовому внутреннему продукту и 15-й в мире по номинальному ВВП. Валовый национальный продукт на душу населения вырос со 100 долларов США в 1963 году до более чем 20 000 долларов США в 2005 году...»

Количество нулей на одну душу выглядит весьма позитивно...

«...Корейцы являются коренным и основным народом. По результатам переписи 2007 года население Кореи составило 48 678 тысяч человек...»

Сорок восемь с половиной лямов для такой территории? Наверное, нормально. В нашей Японии почти 130 миллионов сидит. Всегда, когда слышу эту цифру, думаю: «Как они там все помещаются»? В России населения – сто сорок миллионов. Но нашу территорию с ихней-то не сравнить...

Так, что тут дальше? Техника... энергетика... транс-

порт... В данный момент это не актуально. Что ещё?

«...Основные религии в Южной Корее – традиционный буддизм и относительно недавно проникшее в страну христианство...»

Буду иметь в виду... Так, тут всё понятно, а что пишут нам на другом сайте?

«...Южная Корея (– Тэхан мингук, Республика Корея (РК.), Страна утренней свежести) – государство в южной части Корейского полуострова, родина доширака, чокопая, самсунга, элджи, тхэквондо и множества геймеров-ноулайферов. Несознательными гражданами путается с Японией (что простительно: субподрядчики, рисующие львиную долю аниме, расположены именно в ЮК). Говорят, что характерно, на корейском языке, пишут хангылем (который алфавит, а не иероглифы) и ханччой (которая таки да)...»

Хм, забавная подача материала... С юмором. Похоже на нашу «Лурку»..

«...Чем известна...

Девайсы и автомобили – производят over 9000 электронных девайсин (мобилки, смартфоны, тель-авизоры) и самобеглых повозок, которые из-за своей относительной дешевизны и приемлемого качества пользуются спросом у широких слоёв населения: Daewoo, Samsung, LG, Hyundai, Kia, SsangYong совместные русско-корейские QUMO, десятки их. Также производят комплектующие вроде чипов памяти, которые используют сторонние производители (китайцы,

японцы) – Hynix и Samsung на пару закрывают до 60 % всего рынка памяти в мире. Так как китайский дядюшка Ляо с самодельным паяльником и треснутыми очками пока не проник в наномир, то цены на память зависят от ситуации в РК.

Игрота – значительная часть популярных задротских MMORPG было рождено именно в южной части Корейского полуострова. А среди заинтересованных лиц там бешеной популярностью пользуются любые задротские электронные развлечения, особенно Star Craft.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.